

КРЕДИТНЫЕ ДЕЛА¹

I

Размышление о Лоренсе

На-днях производилось в лондонском банкротском суде любопытное дело. Существовала когда-то фирма, занимавшаяся кожевенною торговлею. По какому-то стечению обстоятельств, — в котором были ли виноваты сами торговцы этой фирмы или нет, мы не знаем хорошенько, — дела фирмы несколько расстроились. Один из компаньонов хотел распутать их слишком незамысловатым образом: капитал уменьшился, потому считал он нужным уменьшить и торговые обороты фирмы; тогда фирма устояла бы, не впутываясь в долги, превышавшие размер ее средств. Не так думал разрешить затруднение другой компаньон, по фамилии Лоренс; он находил, что дела можно вести блистательным образом и предлагал к тому очень остроумный способ. Товарищ Лоренса не согласился с ним, устранился от участия в делах. Лоренс остался полным хозяином оборотов, и торговля фирмы пошла удивительно: с каждым годом расширялись ее обороты, с каждым годом все богаче и богаче жил Лоренс, осыпая богатствами всех своих помощников. Восхитительный успех продолжался, ни много, ни мало, ровно одиннадцать лет. В конце одиннадцатого года явился Лоренс, неожиданно сам для себя, неожиданно для своих сподвижников и для публики, в банкротском суде. Тут остроумный способ торговли раскрылся весь начисто: он был гениален до прелестной простоты. Лоренс давал векселя на себя без счета; когда приходило время уплаты данных векселей, он уплачивал по ним очень исправно деньгами, полученными под другие векселя, выпущенные на сумму еще большую. Видя постоянную исправность уплат, денежные люди не колебались давать кредит Лоренсу; дисконтные банки ухаживали за ним с просьбами, чтобы он присылал им свои векселя для учета, присылал им как можно больше

своих векселей. Счастливым негодьянт выслушивал просьбы с чувством собственного достоинства, отказывал многим желавшим давать ему деньги под его прекрасные векселя, уплата по которым так верна, и блаженными считали себя те дисконтные банки, брать деньги из которых благоволил он. Когда из показаний его самого и многочисленных свидетелей разъяснился такой ход дел, публика вместе с Лоренсом осталась в совершенном недоумении, зачем же, наконец, пришел кризис? как мог он притти? Не было никакого основания останавливаться блистательным оборотам: почему не тянулось таким же порядком и на 21 год, и на 101 год, и на всю вечность дело, так беспрепятственно тянувшееся 11 лет? Сам Лоренс, при всей своей коммерческой сообразительности, не мог понять этого. «Правда, — говорил он, — что своих денег у меня не было; правда, что, получив под свои векселя деньги у Джонса, я уплачивал Джонсу деньгами, взятыми у Смита, а Смит — деньгами, взятыми у Брона, но и Джонс, и Смит получили уплату, продолжали верить мне, и Брон не сомневался, что получит уплату, да и действительно получил бы ее, потому что Джонс и Смит просили меня взять у них деньги под мои верные векселя. Отчего же вдруг приведен я в банкротский суд? Это нелепость, это вздор, это просто несчастье, и больше ничего как несчастье». Действительно, Лоренс был прав. Не было никакой причины ему становиться банкротом, кроме разве одной причины: несчастья, слепого несчастья, от которого не может иногда спастись негодьянт никакой аккуратностью в уплатах.

Но биржевые люди — банкиры, оптовые торговцы — нимало не были удивлены такою развязкою блистательных оборотов Лоренса. Странное дело: эти биржевые люди, так хлопочущие о кредите, повидимому, только от кредита получающие возможность вести свои дела, все в один голос стали разъяснять публике, что одним кредитом прожить на свете никому нельзя, а каждый живет действительными доходами, получаемыми с действительного имущества, и если доходов слишком мало, если имущества нет или оно расстроено, то пользование кредитом скорее погубит человека, чем поможет ему. Странное дело, органы этих оборотливых биржевых людей, ведущих такие многосложные и мудреные спекуляции, каких никогда не только не суметь вести, но и никогда не понять нам с вами, читатель, некоммерческим людям, — органы этих гениальных спекулянтов, «Times» и «Economist», объяснили по поводу процесса Лоренса, что все биржевые и кредитные дела основаны не на каких-нибудь особенных выдумках, а исключительно на правилах, которые соблюдаются каждым рассудительным человеком между нами, не коммерческими людьми, не имеющими никакого понятия о кредитных оборотах.

Положим, например, что я — домохозяин и что я спрошу у какого-нибудь рассудительного человека, никогда не бывшего на бирже, не знающего разницы между акциями и облигациями, кре-

Дитными знаками и звонкою монетою, — положим, что я спрошу у такого человека: «как мне жить, чтобы не дожить до банкротства?» Он скажет: «из получаемых вами доходов прежде всего поправляйте ваш дом, чтобы он мог приносить вам хорошие доходы. Сами вы проживайте только то, что останется у вас из доходов за ремонт дома. Долгов на свои прихоти не делайте ни под каким видом и вообще будьте экономны». Я опять спрошу его: «но что же мне делать, когда мне кажется, что доходов с моего дома слишком мало для меня?» Он скажет: «тут нечего делать; когда доходы увеличатся, вы можете жить роскошнее, а теперь живите поскромнее». Я спрошу его: «но не могу ли я увеличить своих доходов надбавкою цен на квартиры?» Он скажет: «быть может, ваши соседи говорят, что вы берете с ваших жильцов слишком мало; быть может, жильцы других домов завидуют вашим жильцам, что они платят слишком мало; если так, вы можете набавить плату». — «Нет, — скажу я, — соседи толкуют, что я и теперь беру за квартиры слишком дорого; жильцы говорят то же, но их слушать было бы нечего; жаль одного: половина квартир вечно стоят у меня пустые». — «А если так, — скажет мне человек, никогда не бывавший на бирже, — если так, первая причина ваших затруднений та, что вы требуете с жильцов чрезмерной платы; попробуйте требовать меньше; — ваши доходы, наверное, увеличатся, потому что населится жильцами ваш дом, теперь стоящий наполовину пустым».

Какие пошлые, общеизвестные советы! Я недоволен ими, хочу добиться чего-нибудь более замысловатого и продолжаю разговор. Вы говорите, что мне будет выгода, когда квартиры в моем доме не будут стоять пустыми. Но моему делу не поможешь сбавкою цены: мой дом так грязен, печи в нем так дурны, полы так ветхи, лестницы так темны и вонючи, что из людей достаточных никто не поселяется в нем; мои жильцы чуть ли не все почти что нищие; немногие из них платят мне исправно; других хоть в тюрьму сажай, не платят, да и только. — «Если так, — скажет мне мой собеседник, — вы должны переделать дом, чтобы стали у вас жильцами достаточные люди». — Но ведь переделка стоит денег, откуда мне взять их? — спрошу я. — «На переделку дома не столько денег нужно, сколько охоты и рассудительности в хозяине. На исправление дома всегда найдутся деньги, как бы ни был беден хозяин», — скажет собеседник. — Значит, вы советуете мне занять денег? — спрошу я. — «Нет, — скажет он, — я советую совершенно иное; сколько вы получаете с дома?» — Две тысячи рублей. — «А сколько вы проживаете?» — Три тысячи рублей. — «Так вот, вы бросьте лишние претензии, которые не по вашим средствам, и проживайте одну тысячу, а другую употребляйте на поправку и переделку дома, и в скором времени он весь будет исправлен и будет давать вам не две тысячи, а пять тысяч руб-

лей, — тогда вы можете и жить с некоторою роскошью, а до той поры экономничайте».

Все тот же тупой совет, известный и человеку, едва умеющему считать по пальцам! Я продолжаю расспрашивать в надежде добиться чего-нибудь приятнейшего: но неужели вы не советуете мне занять денег хотя бы для переделки дома? — «Что вам сказать на это? — отвечает упрямый собеседник: — нет надобности вам заниматься, а без надобности заниматься не годится. Мы уже объяснились, что ваше затруднение происходит от претензий ваших на роскошь, что если вы станете бережливы, у вас и без займа найдутся деньги для переделки дома. А если так, то направление ваших мыслей к займу кажется мне просто направлением их к продолжению мотовства. Расходуя больше вашего прихода, вы до сих пор занимали деньги; всем известно, что вы занимали на ваши прихоти, по вашему мотовству; если вы и теперь захотите занимать, кто поверит, что вы хотите занимать не на мотовство, когда каждому известно, что вам не понадобилось бы занимать, если бы вы сделались бережливы? Кто перестанет считать вас мотом, если вы будете попрежнему искать денег взаймы? кто согласится дать деньги моту иначе, как на условиях очень обременительных? Заключать вам теперь заем невыгодно. Прежде сделайте бережливы, и дождитесь, пока все убедятся, что вы стали бережливы; тогда вы можете достать деньги на сходных условиях, если вам нужно будет занять. Но ведь мы с того и начали, что тогда вам не будет надобности в займе. Думайте о бережливости, а мысль о займах бросьте».

Опять все то же тупое заключение! Я начинаю досадовать. — Вы решительно не хотите, чтоб я пользовался кредитом, — говорю я упрямому собеседнику: — но ведь кредит — превосходнейшая вещь. — «Может быть, и превосходная, только не для вас, потому что вы не имеете кредита. Кредит имеют лишь те, которые не хлопчут искать его. К тем он сам приходит; а кто гоняется за ним, тот его не поймает, а поймает банкротство». — Я отчасти обижен и желчно возражаю: — Хорошо! пусть мой кредит расстроен; но разве я не должен хлопотать о его восстановлении? — «Кто вам говорит, не хлопотать? ради бога, хлопочите; но ведь мы уже говорили, чем приобретается кредит, — бережливостью: будьте экономны, будьте экономны, будьте экономны — вот вам и начало, и середина, и конец всех пригодных для вас рассуждений».

Мы думали всегда, что подобным нашему собеседнику образом могут рассуждать лишь скупые, безграмотные старухи, прячущие целковый за целковым в кубышку; но из рассуждений передовых финансовых людей Англии по поводу процессов Лоренса мы, к удивлению, увидели, что ничего иного не знают, ничем иным не руководятся и Ротшильд с Берингом, и Гледстон с Пальмерстоном. Мы все еще не теряли надежды: «что ж такое, в самом

деле, думали мы: быть может, Гледстон отстал от науки, а Пальмерстон, как мы знаем, никогда не занимался политической экономией; Ротшильд и Беринг — не больше как искусные рутинисты²; да и вся Англия — страна привычек, рутинности. Мы слышали, что в другой стране, во Франции, блистательно ведутся дела на других основаниях. Будем изучать обороты Миреса и великого Перейры». Мы принялись за французские газеты и разочаровались. Вся Франция тревожится своею финансовою будущностью. С удивительным искусством пользовались Мирес, Перейра и их покровители всеми тонкостями кредитных изобретений — и дошли до того, что дела их видимо приближаются к банкротству. Акции «Движимого кредита» падают и падают; акции миресовой «Кассы железных дорог» падают и падают. Эти великие животворители французской биржи, французской промышленности оказываются теми же Лоренсами, только в более широких размерах, — Лоренсами, влекущими в банкротство не сотни людей, как английский Лоренс, а десятки тысяч людей и чуть ли не самое государство.

Но что же Мирес и Перейра? Они все-таки частные спекулянты; быть может, замысловатые кредитные операции оказываются успешнее, когда совершаются самою государственною силою? Мы слышали, что был в Австрии знаменитый финансовый муж Брук³, который, приняв государственные финансы в расстройстве, довел их до цветущего состояния какими-то очень искусными способами. Мы знаем, что при нем, как и до него, Австрия постоянно расходовала гораздо больше, чем получает; но, несмотря на дефицит, Брук устроил все очень хорошо. Были до него какие-то кредитные учреждения, действовавшие неудовлетворительно; он перестроил их по новым основаниям, и дело пошло отлично. Были государственные имущества — он продал их и тем сделал, как мы слышали, очень выгодную спекуляцию. Как блистательно заключались при нем займы! как колоссально росли доходы! как ловко поднимал он государственные фонды перед заключением займов! какие огромные биржевые операции устраивал он для поднятия курса бумажных денег! какие суммы тратил он на улучшение вексельного курса! Сам Перейра не мог быть оборотливее, изобретательнее, находчивее, счастливее. Как и что именно делал Брук, этого мы уже не помним хорошенько, но довольно сказать, что вся Европа изумлялась ему. Посмотрим же, до чего дошла Австрия благодаря искусству Брука и его предшественников и его преемников, действовавших и действующих по той же системе.

В 1831 году доходы Австрии простирались до 121 миллиона гульденов, в 1847 году — до 151 миллиона: в целые 16 лет они возросли только на 25%, — видно, что финансового искусства было тогда мало. Неудивительно, что при таком малом искусстве доходы не всегда оказывались достаточны на покрытие расходов.

Правда, несмотря на неумение возвышать доходы, с 1836 до 1843 года оставался излишек миллионов по шести гульденов в год, но зато в предыдущие пять лет и в следующие два года оказывался дефицит, миллионов около 15 или даже 18 в год, так что за все 16 лет, с 1831 до 1846 года включительно, у Австрии была недостача в доходах миллионов на 80 гульденов, то есть при этом неискusstном управлении годовой дефицит по средней сложности составлял миллионов 5 гульденов.

С 1848 года уже не то; является чрезвычайная находчивость в приискывании средств, является великолепное умение увеличивать государственные доходы: в 1847 году они составляли, как мы знаем, всего лишь 151 миллион, а в 1858 году — уже 282 миллиона: в 11 лет доходы увеличились почти вдвое. Какое торжество финансового искусства, какое процветание государственного бюджета! Вероятно, дефицит исчез? ведь требовалось на его покрытие по прежнему неискusstству всего 5 миллионов в год, а тут прибавка доходов измеряется целыми десятками и сотнями миллионов. Странное дело: нет, если доходы росли не по годам, а по дням, то дефицит рос не по дням, а по часам. С 1847 года до 1857 года включительно он составлял миллионов от 50 в год до миллионов 180 в год, всего за 11 лет, ни больше, ни меньше, как 1180 миллионов с небольшим, то есть средним числом ежегодно миллионов по 105 с небольшим. 5 миллионов осталось, положим, в наследство от прежнего неискusstства, а 100 миллионов с небольшим составляют уже чистый плод финансовой оборотливости.

Вы подумаете, однакож, в этот период 1847—1857 годов входят 1848 и 1849 годы, когда происходили и подавлялись в Австрийской империи восстания, когда велась война с сардинцами и венграми; верно, в эти два года и был какой-нибудь колоссальный дефицит, так страшно возвысивший среднюю цифру за весь период, а в другие годы было недочета, конечно, гораздо меньше. Нет; войны 1848—1849 годов произвели дефицит только в 195 миллионов гульденов, средним числом меньше, чем по 100 миллионов в год; следующие годы, — годы, когда Австрия не воевала, были еще урожайнее на дефицит. Самый меньший дефицит был в 1852 году, около 80 миллионов; во все другие совершенно мирные годы он был еще гораздо больше. Надобно, впрочем, сказать правду: миллионов 150 лишних накинuloсь в 1854 и 1855 годах, благодаря тоже военным подвигам австрийского правительства. В это время, видите ли, были сражения в разных турецких областях и в Крыму. Вот от этого-то в 1854 году был дефицит около 180, а в 1855 году — около 185 миллионов, всего 365 миллионов, между тем как в следующие два года, когда войны уже нигде не было, дефицит ограничился лишь 210 миллионами с небольшим, — в лишник 155 миллионах, за предыдущие два года, явным образом виновата война. «Позвольте, — замечаете вы, — да ведь, сколько помнится, Австрия не участвовала в войне

и не могла даже опасаться, что какая-нибудь из воюющих сторон намерена коснуться хотя бы одною дробинкою, не только пулею, австрийских границ. Ни Австрия не хотела воевать тогда ни с кем, ни Россия не хотела воевать с нею, ни Турция, ни Франция, ни Англия, — так зачем же было австрийцам и изубычиваться?» Как зачем? Соседи воюют между собою и не хотят воевать с австрийцами; надобно же им показать, что австрийцы тоже могут воевать, только не хотят. Вы замечаете, что это в некотором смысле уже мотовство, вроде того, как купеческие сынки бьют иногда стекла в трактирах, не для того чтобы затеять драку, а только для того, чтобы показать: «ты, дескать, думаешь, что у меня мало денег, так вот же тебе: бью и плачу; а ты смотри и дивись».

Оно судите, как хотите, но ведь лишний расход тут был всего на 165 миллионов; да в 1848—1849 году лишнего расхода от войны было никак не больше 105 миллионов*, всего от военных обстоятельств в дефицит вошло лишних 260, ну положим 280 миллионов; а ведь дефицит за 1847—1857 годы составляет не 280, а 1180 миллионов, — откуда же произошли остальные 900 миллионов дефицита за эти 11 лет? Их уже австрийцы не могут приписать ни чужим, ни другим войнам. Эти 900 миллионов, как вы хотите, а уже непременно составляли прямой плод высшей финансовой сообразительности, уменья пользоваться кредитом.

Цифра недурная: с лишком по 80 миллионов в год за науку искусного пользования кредитом. Не мало уплачено за нее австрийцами, но уплата произведена еще не вся: с будущего финансовая оборотливость тоже будет собирать порядочную долю в виде процентов за прошлые уроки. Чтобы не ввязываться в длинные расчеты, мы прямо возьмем 1850 год, когда войны в Италии и Венгрии уже не было, и 1857 год, когда новая война в Италии еще не начиналась. В 1850 году проценты, платимые по государственному долгу, составляли менее 50 миллионов гульденов, а в 1857 году — уже около 92 миллионов: в 7 лет совершенного мира проценты государственного долга возросли почти вдвое; всего прибавилось их на 42 миллиона, как раз по 6 миллионов в год обременения на все будущее время.

Хороша оборотливость. Лоренс вел такие обороты ровно одиннадцать лет. Австрия ведет их вот уже 12 лет, целым годом дольше Лоренса. Видно, большому кораблю не только большое, но и долгое плавание.

Но если Лоренс находил удовольствие в искусных кредитных оборотах, то, по крайней мере, надобно отдать ему справедли-

---

* Сумма дефицита за эти годы около 198 миллионов, а в 1847 году, когда ровно никакой войны еще не было, дефицит составлял более 47 миллионов; за два года такая же сумма составила бы около 95 миллионов; остается, за их вычетом, лишнего расхода от войны меньше 105 миллионов.

вость: он добывал себе деньги именно на то, чтобы они служили ему в удовольствии. Какую квартиру нанимал он! какие дачи устроил себе! в каких брильянтах блистала его любовница! какие вина были у него за столом, и какие гости сидели у него за обедами! какие девицы сидели у него за ужинами! У какого человека с изящным вкусом, с артистическими стремлениями достанет духа осудить Лоренса за некоторую, может быть, несколько излишнюю трату денег на такие действительно милые наслаждения? Угрюмый рассудок говорит: «нерасчетливо поступал Лоренс»; но живое сердце шепчет: «мне понятно его увлечение!» А на какие же вещи тратилась Австрия? какие наслаждения покупала она ценою оборотов, подобных лоренсовым? О, Венера и Купидон! плачьте! плачьте, музы и грации! плачь и ты, златокудрый Феб! не на вас пошли эти сотни и тысячи миллионов промотанных денег, — они пошли на содержание в тунеядстве и нищете сотен тысяч людей, которые изобильно жили бы честным и для всех полезным трудом, если бы не отвлечены были к тунеядству задачей этих несчетных сумм, если бы не оторваны были от полезного труда на праздную жизнь из этих сумм. В 10 лет, 1848—1857, из всей суммы расхода, составлявшей около 3300 миллионов, на войско было истрачено 1512 миллионов, с лишком по 151 милл. в год. До 1848 года содержание войска стоило в год около 60 миллионов; благодаря финансовой оборотливости получена была возможность тратить на войско с лишком по 90 миллионов в год лишних против прежнего. Сумма дефицита за эти 10 лет — 1130 миллионов; вычтите из них прибавившиеся от финансовой оборотливости 915 или 920 миллионов лишних расходов на войско, остается всего каких-нибудь 215 или 210 миллионов дефицита; они образовались надобностью уплачивать проценты по займам, сделанным на содержание армии, надобностью увеличить число чиновников по взиманию размножившихся податей, надобностью увеличить число полицейских для взыскания недоимок, разросшихся от увеличения податей, — вот он и весь дефицит ушел на эти статьи.

Вы опять не вздумайте сказать, «что в сумме прибавившихся расходов на войско слишком значительную долю, вероятно, составлял расход на армию в годы войны», — разумеется, во время войны возрастали расходы на войско; но главная масса расходов сделана была на него, когда никакой войны у австрийцев не происходило и не предвиделось. В 1848 и 1849 годах, когда была война, на содержание армии пошло всего 237 миллионов, — это за два года, а на каждый год за целое десятилетие приходится по 151 миллиону, то есть на каждые два года с лишком по 300 миллионов, а в два военных года было израсходовано гораздо меньше, — значит, в остальные восемь мирных лет было израсходовано больше; значит, в мирное время на содержание войска шло гораздо больше, чем даже в военное время.

Вы скажете: «да как же это могло быть?», вы скажете: «да это невозможно, да это что-нибудь не так!» И я сказал бы то же самое, если б однажды не случился при мне анекдот такого рода, который, впрочем, и вам известен по старинным сборникам анекдотов. Пришел в магазин мужской обуви господин и потребовал, чтоб ему дали хорошие сапоги; ему подали; он спросил цену; ему сказали, что сапоги стоят 7 рублей; он нашел тогда, что сапоги дурны, и потребовал лучших. Ему подали другую пару, объяснив, что она стоит 15 рублей; он заплатил 15 рублей и ушел очень довольный. Тогда я спросил продавца: «каким же образом нашлись у него сапоги в 15 рублей, когда мне и всякому известно, что самый лучший сорт продается у него по 7 рублей?» Он сказал, что принужден был подать сапоги худого сорта господину, которому не понравился лучший сорт, и взять 15 рублей за пару, продающуюся по 5 рублей. «Зачем же вы так дурно поступили?» спросил я. — Что ж было мне делать? — отвечал он, — лучший сорт ему не понравился, я должен был подать ему другой сорт, то есть худой; а не взять с него лишних денег не мог, чтобы не подорвать репутацию своей лавки: ведь он бы пошел по городу и кричал, что у меня нет хороших сапог».

На этом основании очень можно понять, как несражающаяся армия в мирное время могла стоять дороже, чем сражающаяся армия стояла во время войны. Расчетливое правительство расходует деньги, когда нужно и сколько нужно; но кто бы помешал австрийскому правительству измерять свою военную силу количеством расходов на эту силу?

Одно мотовство может иметь наружность, совершенно различную от другого. Золото, бронза, брильянты, тонкие вина, — когда мотаются деньги на такие вещи, мот окружен блеском роскоши. Но войдите в один из тех славившихся в старину широкою жизнью помещичьих домов, которых, к счастью, остается уже немного, — вы увидите наружность совершенно иного рода: комнаты грязны, пыльны, по углам висит паутина, стекла в окнах слеплены из кусков грязной замазкой; в грязной передней, зараженной нестерпимым запахом, сидит десяток оборванных парней; по двору и по комнатам шмыгают другие парни, столь же оборванные, и десятки женщин, на которых жалко взглянуть: такая нищенская на них одежда, такие испитые у них лица; этот вертеп нищеты и грязи — такое же жилище мотовства, как великолепная квартира, вся залитая блеском, — или нет, в этом доме, при всей его нищенской отвратительности, гораздо больше мотовства, чем в блестящей квартире. Один мот сорит деньги, давая своему камердинеру жалованье, какого не получает профессор; другой мот сорит еще больше денег, содержа 100 человек голодной дворни, когда очень достаточно было бы иметь ему человека два или три прислуги. Австрия мотает в последнем роде.

Есть в австрийском мотовстве два направления, из которых и каждое в отдельности достаточно бывает, чтобы вести государство к развязке, к какой пришел Лоренс. Австрия старается иметь как можно больше армии. По мирному положению в период, о котором мы говорим, австрийская армия должна была иметь более 360 тысяч человек, то есть на 100 человек населения был один солдат, а считая, что мужчины, способные к работе, составляют пятую часть населения, — один из 20 мужчин был солдатом, то есть ничего не делал и содержался на счет других. Но в совершенно мирное положение никогда не была приводима австрийская армия в годы, о которых мы говорим, хотя мы берем период, прошедший для Австрии без всякой войны и без всякого серьезного опасения войны (1850—1857 гг.) Большую половину этого времени австрийская армия находилась на разных средних ступенях между мирным и военным положением; а много времени находилась она и вполне на военном положении, находиться в котором не было ей ровно никакого реального основания. По военному положению австрийская армия простирается до 685 тысяч с лишком, то есть из 10 способных к работе мужчин один служит солдатом, то есть содержится на счет других. Вот теперь вы и считайте, может ли достать государственных доходов на содержание такой громадной массы людей, как бы скудно ни содержать их.

Но самая склонность к ненужному содержанию громадной армии не участвует в произведении австрийского дефицита так сильно, как другая особенность австрийского порядка дел: пристрастие к бюрократизму. Самая чрезмерность армии произведена собственно этим пристрастием, развитию которого в свою очередь способствует. Зачем нужно было громадное количество войск в каждой австрийской провинции, — в каждой провинции даже из тех, которым не мог никогда грозить никакой внешний враг (если бы когда и явился этот не являвшийся внешний враг) и которые сами не имели никакой склонности отторгаться от Австрии, как, например, все области, называемые немецко-славянскими, то есть целая половина Австрии, от Тироля до венгерских границ, от Богемии до Альп? Зачем все эти земли, совершенно безопасные, были постоянно наводнены войсками? Присутствие войск было нужно для охранения внутренней тишины. Жители, совершенно преданные австрийскому правительству, были, однакоже, недовольны. Чем же были они недовольны? Обременительностью податей и стеснительностью административного порядка. Обременительные подати были нужны на содержание слишком громадной армии и слишком многочисленного состава бюрократических управлений. А бюрократизм, служивший причиною недовольства и одною из причин обременительности податей, сам был нужен потому, что при обременительности податей много было хлопот с их собираньем, и при недовольстве жителей правительство не могло оставить жителям простора ни в чем:

должно было за всем наблюдать, во все вмешиваться. Смотрите же, какая удивительная цепь причин и последствий: дефицит происходил от чрезмерности расходов на армию; чрезмерная величина армии возникла из недовольства жителей; недовольство жителей порождалось чрезмерным бюрократизмом, а чрезмерный бюрократизм порождался, — чем он порождался? — просто сам собою; но когда он родился, то уже без него нельзя было удержаться порядку, потому что тут родилось и недовольство жителей со всеми своими последствиями от дефицита до возрастания все того же чрезмерного бюрократизма, который лежит в корне всего. С чем бы можно было сравнить такое сцепление обстоятельств, чтобы стало оно понятнее для нас, простых людей, знакомых лишь с мелкими делами частной жизни? Положим, например, что вы, читатель, вздумали строить дом. Для этого нужны вам работники, подрядчики; вы должны смотреть за ними, потому что без хозяйского глаза нельзя же обойтись делу. Если вы ограничитесь действительно нужным размером хозяйского надзора и хозяйского вмешательства, постройка пойдет у вас, как идет у всех добрых людей, довольно успешно и не с разореньем, а с выгодой для вас. Но что, если бы, — извините за обидное предположение: оно делается только для пояснения мысли, а не потому, чтобы могла в самом деле притти вам в голову такая нелепость, — что, если бы вам вздумалось, что ни подрядчикам, ни работникам вовсе уже вы не можете доверять ни в чем и должны вы иметь надзор за каждым движением каждого из них? К каждому подрядчику вы поставили бы своего приставника, к каждому работнику также; и вот, сверх известного количества людей, трудящихся и на свою, и на вашу пользу, у вас явилось бы еще такое же количество людей, не производящих никакой, хотя бы кому-нибудь полезной работы, а состоящих на вашем содержании. Этим хлопотливым туеядцам вы должны давать жалованье. На расплату с подрядчиками и работниками у вас достало б денег, если б не было этих приставников; но теперь ваши средства поглощаются платою бесчисленным приставникам, и на расплату с подрядчиками и работниками у вас недостает денег. Подрядчики и работники, не получая расплаты, не хотят работать или работают плохо, — вот вам уже и готово доказательство, что ваши приставники необходимы: вы действительно нуждаетесь в людях, которые принуждали бы к работе, понукали бы в работе подрядчиков и работников. Но скольких приставников вы ни содержите, какой бдительный надзор ни учреждаете, работа все-таки идет плохо, а расходы у вас вдвое больше, чем были бы без приставников, и вы с хлопотами, с огорчениями идете к разорению через дело, которое было бы, как бывает у всех рассудительных людей, и легко, и выгодно для вас, если б не пришла вам в голову странная мысль не полагаться ни на кого из людей, кроме ваших приставников.

Вот точно таким порядком и устроилась Австрия; это называется бюрократическим порядком. Он бы всем хорош, только одна небольшая беда с ним: при нем ничто в государстве не может идти успешно; есть в нем и другая неприятность, но уже совершенно ничтожная: он разорителен.

Пробовали ль вы, читатель, советоваться с хорошими докторами, то есть не с теми докторами, которые имеют очень большую практику, а с теми, которые хорошо знают медицину и часто не имеют никакой практики? Если не пробовали, то я и не советую, потому что они на ваши просьбы о лекарствах отвечают обыкновенно советами очень скучными и не имеющими никакого отношения к вашей болезни. У вас, например, хроническое расстройство желудка; кажется, следовало бы прописать микстуру; нет, хороший доктор обыкновенно не прописывает вам никаких особенных медицинских средств, а на все ваши жалобы и просьбы твердит одно: «вы ведете нездоровый образ жизни; пока вы будете вести его, не поможешь вам никакими лекарствами; а когда вы перемените образ жизни, ваше хроническое расстройство пройдет само собой, без всяких лекарств». Не знаю, как вы, а я с такими господами не люблю советоваться и, с незапамятных лет страдая расстройством желудка, с незапамятных лет пользуюсь у докторов более любезных, которые постоянно врачуют меня разными потогонными, мочегонными, слабительными, крепительными, пилюлями и микстурами. Зато, по крайней мере, я могу при помощи этих докторов вести такой образ жизни, какой мне нравится.

Скажите, кроме шуток: могут ли какие бы то ни было кредитные операции пособить финансовым делам Австрии? Разве такими средствами лечатся такие болезни?

Недавно один из моих добрых знакомых, видя меня в денежном затруднении, спросил: сколько нужно мне в год, чтобы жить без затруднений? (он, как я догадываюсь, хотел предложить мне занятие с выгодным жалованьем, а может быть, хотя даже дать денег взаймы, чего я не могу по совести посоветовать никому, желающему получить деньги обратно). На такой щекотливый вопрос я откровенно отвечал: «мне нужно в полтора раза больше, чем каковы бывают или будут мои доходы». — «То есть как же это?» спросил он. — «А вот как. Я получал прежде две тысячи рублей и проживал три. Теперь получаю четыре тысячи и проживаю шесть». — «Но если (он перебил меня) — но если дать вам десять тысяч рублей в год?» — «Я буду проживать пятнадцать тысяч», — скромно отвечал я. Мой знакомый не продолжал разговора, — и какое предложение хотел он мне сделать, осталось неизвестным для меня.

Устройство Австрии таково, что все равно, как бы ни увеличивались ее доходы, она должна расходовать гораздо больше, чем получает; она держится такой системы, при которой расходам ее не может быть никакого предела, кроме физической невозмож-

ности достать из каких бы то ни было источников больше денег, чем достает она. Возьмите, например, прошлый год. Почему она заключила мир с императором французов после Сольферинской битвы? Только потому, что не могла достать больше денег на продолжение войны. Если бы какую-нибудь новою кредитною операциею она достала еще несколько сотен миллионов, она стала бы вести войну еще несколько месяцев. Какой успех могло бы иметь продолжение войны? Каждому очевидно, что оно вело бы только к дальнейшим потерям. Если бы Австрия в июле не была остановлена безденежьем, она в августе или сентябре потеряла бы Венецию. Но она сохранила Венецию и потеряла только Милан, потому что достала меньше денег, чем хотела. Если бы она не достала нисколько денег, она не потеряла бы и Милана, потому что не начала бы войны. Да и теперь что до сих пор удерживало Австрию от новой войны? Одно только безденежье. Будь у ней деньги, она прошлою осенью начала бы войну для завоевания Ломбардии; прошлою зимою начала бы войну для восстановления прежнего порядка в Тоскане и Романье; нынешнею весною начала бы войну для восстановления Франциска*; нынешним летом начала бы войну для удержания сардинцев от вторжения в Умбрию, нынешнею осенью начала бы войну для разрушения Итальянского королевства, и вот ныне зимою давно бы уж начала войну с венграми, если бы не задерживалась безденежьем. Это все равно, что пьяница: даете ли вы ему деньги, не даете ли вы ему денег, все равно он без денег: сколько ни дадите, — все проплет. Жалкая болезнь; но прежде, чем явится у большого решимости излечиться от своего порока, никакими деньгами не достигнете вы, чтобы не было прорех на его локтях: он в тот же день проматывает или рвет в драке всякую одежду, какую вы дадите ему.

II

Условия, в которых бывает не губительно, а полезно пользование кредитом.

Если думать только о таких случаях, какие приводились для объяснения дел в предыдущем отрывке, то может показаться, наконец, будто кредит — нечто в роде мышьяка, приправленного сахарным сиропом; вещь сладкая, но убивающая. Если так, чем же объяснить похвалы, которыми превозносят благодетельность кредита все ученые и все государственные люди? Неужели похвалы эти — только то же, что похвалы китайцев опиуму?

Нет, для некоторых государств, в некоторых обстоятельствах, кредит — вещь действительно полезная, как бывает он очень по-

* Короля неаполитанского. — *Ред.*

лезною вещью в делах каждого основательного коммерческого человека.

Вот, например, в последние 45 лет Великобританское королевство вообще получало много пользы от кредита. Нельзя сказать, что в пользу ему шел кредит прежде. В самом колоссальном размере прибегало оно к помощи кредита в продолжение войн с Франциею: сотни миллионов фунтов, полученные тогда английским правительством от кредита, все были промотаны на дело, самый успех в котором был очень вреден для Англии. В следующие времена Англия также пользовалась иногда кредитом во вред себе. Например, в долг вела она года четыре тому назад совершенно ненужную войну с Персией, а прежде того — столь же ненужную войну с афганцами. Не имей она возможности покрывать посредством кредита большую часть расходов на эти вредные предприятия, она, вероятно, и не начала бы их. Но что же делать? каждую хорошую вещь можно употреблять во зло. Зато благодаря кредиту Англия могла без затруднений исполнить многие полезные дела, совершение которых было бы гораздо тяжелее без кредита. Упомянем хотя об одной стороне полезных преобразований, которым очень много помогал кредит.

Понижение пошлин — вещь очень полезная, и в результате оказывающаяся даже выгодною для государственных доходов. В противность протекционному предрассудку, национальная промышленность в общей своей массе выигрывает от понижения тарифа, а развитие промышленности ведет к увеличению государственных доходов. Мало того, что общая сумма государственных доходов увеличивается, — увеличивается даже таможенный доход благодаря тому, что при удешевлении привозного товара понижением пошлины увеличивается ввоз его. Но такой результат — увеличение дохода — производится понижением пошлин не в один месяц и обыкновенно не в один год: на первое время является в доходах некоторое уменьшение. Скоро недочет покроется с излишком; но как свести концы с концами в первые месяцы или годы по понижению тарифа? Вот в этом случае кредит приносит большую пользу: государственное казначейство выпускает на какой-нибудь краткий срок — на год, года на два — билеты, которые выкупаются излишком дохода, когда развитие национальной промышленности и заграничного привоза, произведенное облегчением тарифа, начнет приносить свои плоды. Благодаря кредиту, отстраняющему временные затруднения полезных таможенных реформ, Англия в последние десятилетия успела вовсе отменить пошлины с бесчисленного множества товаров и понизить пошлины с других товаров в таком размере, что общая сумма этого уменьшения простирается почти до 100 миллионов рублей серебром; постепенно развитие привоза с избытком вознаградило эту потерю, так что ныне, при низком тарифе, таможенный сбор больше, чем был когда-нибудь при высоком тарифе;

без помощи кредита нельзя было бы произвести такой громадной сбки пошлин.

Точно такую же пользу, точно таким же образом оказывает кредит и при всех других уменьшениях тяжести податей или налогов. Например, когда была в громадной пропорции понижена плата за пересылку писем, почтовый доход на первое время уменьшился, и кредит значительно пособлял английскому казначейству перенести это промежуточное время, пока развитие письменной корреспонденции пополнило почтовый доход.

Как помогает кредит произведению полезных реформ в системе государственных доходов, точно так же помогает он полезным реформам в государственных расходах. Например, почти весь громадный долг Великобританского королевства составил из займов, сделанных на военные предприятия и заключенных, разумеется, на тяжелых условиях (деньги для мотовства нельзя получать иначе, как на условиях тяжелых). Ну, после того английское правительство сделалось рассудительнее, то есть бережливее. Конечно, оно стало тогда пользоваться на бирже репутациею гораздо лучшею прежнего. Доверие к облигациям государственного долга возросло, так что можно было заняться облегчением процентов, платимых по ним. Но сказать кредитору: «я хочу платить по моим долгам вместо прежних 5% только 4%» или «вместо прежних 4% только 3%» имеет право лишь тот, кто может к этим словам прибавить: «если ты не согласен на предлагаемые мною новые условия, то получи свой деньги, я готов уплатить долг». Разумеется, надобно иметь наготове большие кредитные средства, чтобы предложить кредиторам такой выбор. По правде говоря, казначейству, имеющему такие средства, почти не придется пользоваться ими в этом случае: когда оно может получить сколько ему угодно денег по новому пониженному проценту, это значит, что предлагаемый процент, хотя и менее выгодный прежнего, все-таки считают денежные люди выгодным процентом, и на этом основании заимодавцы не потребуют своих денег назад, а согласятся оставить их в облигациях государственного долга с уменьшенным процентом. Это так; но если б не было у казначейства полной возможности получить в случае надобности деньги, к получению которых на самом деле не представится надобности, оно не могло бы предложить заимодавцам выбора; значит, хотя оно в действительности и не воспользовалось кредитом, но только благодаря своему кредиту успело уменьшить проценты по своему долгу. Таким постепенным понижением процентов английское казначейство успело сократить ежегодные расходы на несколько десятков миллионов рублей.

Из этого последнего случая мы очень хорошо можем видеть, в каких обстоятельствах вообще приносит правительству пользу кредит. Он чрезвычайно выгоден правительству тогда, когда правительство очень легко могло бы обойтись без него. Почему под-

нимались английские фонды до такой степени, что можно было понижать процент по ним? Поднимались они потому, что новых займов правительство не делало, а по прежним долгам платило проценты без всяких затруднений для себя. Нуждалось ли оно тогда в кредите, чтобы сводить концы с концами, чтобы существовать? Ровно нисколько не нуждалось. Для чего же оно хлопотало о понижении процентов? Не для того, чтобы выпутаться из затруднения, а просто для того, чтобы свое настоящее, очень хорошее положение заменить еще лучшим.

Что тут говорить много, — каждый из нас по своему маленькому хозяйству отлично знает эти вещи. Если мои дела идут так, что я не нуждаюсь в займах, каждый готов давать мне денег взаймы на самых выгодных для меня условиях; но если завтра поведут меня в долговую тюрьму, когда я не получу денег ныне, то скажите, легко ли мне будет достать денег и на каких условиях я достану их? Вероятно, читатель знает, что в Петербурге можно купить превосходнейшую мебель за бесценок; но в каком положении надобно быть, чтобы сделать такую выгодную аферу? Надобно иметь меблированную квартиру; надобно не нуждаться в покупке мебели, надобно спокойно лежать или сидеть на мягком диване и ждать (вовсе и не думая о том), пока прибежит к вам, — когда прибежит, ныне или через полгода или через два года, все равно для вас, — какой-нибудь господин и станет убеждать вас купить мебель; а вы должны быть в таком положении, чтобы отвечать ему: «мебель мне не нужна; разве уж слишком дешево продадут, — тогда, пожалуй, посмотрим». Но если вам непременно нужно купить мебель ныне к вечеру, потому что вам не на чем будет спать нынешнюю ночь, то, разумеется, вы купите втридорога скверную мебель.

Англия пользуется кредитом в безграничном размере на очень выгодных условиях, — да каково финансовое положение Англии, надобно знать. Каждый год толкуют там о том, что надобно или отменить, или понизить какой-нибудь налог, не потому, чтобы он был в самом деле обременителен, а потому, что если не отменить или не понизить какого-нибудь налога, то в доходах окажется над расходами излишек, которого некуда будет девать; и когда нет опасений, что грозит Англии какой-нибудь сосед нападением, то каждый год действительно отменяется или уменьшается какой-нибудь налог. Иной раз несколько обочтутся в этом, — то есть как обочтутся: понизят налоги, положим, на 20 миллионов рублей и рассчитывают, что от развития промышленности, облегченной этой сбавкою, получатся в доходе прибыль на 10 миллионов рублей (другие 10 миллионов оказывались лишними; от этой суммы казначейство отреклось), а вместо того прибыль будет на первый год лишь в 7 миллионов рублей, и является недочет 3 миллионов, на которые рассчитывалось. Это у англичан (глупых людей, не понимающих, что такое дефицит) называется дефицитом. Бывает

у них дефицит и от другого обстоятельства: случаются иногда в течение года расходы, которых не предвиделось в начале года. И вот послушали бы вы, как рассуждает у англичан в этих случаях канцлер казначейства (министр финансов) и как опровергают его планы оппозиционные финансеры, — просто уморительно слушать, можно животики надорвать со смеху: «В следующем году надобно будет (говорит канцлер казначейства) увеличить доходы на столько-то миллионов. Можно для этой операции возвысить подать с дохода; а если парламенту не будет угодно возвысить подать с дохода, можно возвысить налог на солод; по моему мнению, лучше возвысить налог на солод, а впрочем, все равно». Встает оппозиционный оратор и с ожесточением нападает на план канцлера казначейства; но какими возражениями он опровергает его! Нам кажется, что оппозиционный оратор ненаходчив до глупости: не вздумает он сказать, что канцлер хочет поднять налог на солод до обременительной величины; не вздумает он сказать, что и подать с доходов тяжело было бы уплачивать в случае увеличения, — нет, оппозиционный оратор говорит: «конечно, предлагаемое возвышение налога на солод необременительно; конечно, легко уплачивалась бы и подать с дохода в случае ее возвышения; но как не догадался канцлер казначейства, что еще менее чувствительно для нации будет получить требуемые миллионы самым незначительным возвышением пошлины с чаю или вот следующим изменением штемпельного сбора, которое увеличит доходы казначейства облегчением пошлин, взимаемых ныне с таких-то и таких-то дел». Вот чудачки, подумаешь: нужно им, положим, 10 миллионов, а из их прений оказывается, что без всякого затруднения могли бы получить они 40 миллионов повышением таких налогов, которые никому не были обременительны, — и не хотят они получить эти 40 миллионов, а хотят получить только 10, и спорят между собою из-за того, каких источников к получению денег не касаться. Глупые люди! Оно вот и видно, что справедлива половица: «глупому счастье». А тут на грех встает еще какой-нибудь радикал, вроде Брайта или Кобдена, и говорит: «бросьте вы все ваши косвенные налоги, ведь ни один из них не нужен вам». Канцлер казначейства в свою очередь проникается негодованием и возражает: «Что вы пристааете к нам, — ведь вы видите, что и без ваших напоминаний косвенные налоги постоянно понижаются. В течение последних 10 лет мы отменили их на столько-то миллионов фунтов, а в следующие 10 лет надеемся отменить еще на сумму вдвое большую».

Финансовое положение Англии определяется двумя чертами. Расходы этого государства не превышают доходов, или, точнее сказать, постоянно возникает в доходах излишек над расходами, излишек, постоянно ведущий к облегчению налогов; а между тем налоги уже приведены в такой размер, что уплата их ни для кого не обременительна. Первая черта английского бюджета известна

каждому, но вторая, быть может, нуждается в некоторых пояснениях.

По денежному счету сумма податей и налогов, приходящаяся средним числом с каждого жителя в Англии, больше, чем в каком-нибудь другом европейском государстве. Полагая величину бюджета в 450 000 000 рублей (впрочем, этот нынешний бюджет Англии чрезмерно высок по особенным временным обстоятельствам, требовавшим в два последние года слишком больших вооружений), а население Великобритании с Ирландиею в 30 000 000 человек, мы увидим, что каждый житель платит средним числом около 15 р. сер. В Австрии денежная величина уплат гораздо меньше: при 35 000 000 населения доходы Австрии составляют около 160 000 000 р., так что с каждого жителя сходит всего лишь около 4 р. 50 к., — втрое меньше, чем в Англии. Но читатель знает, что простолудин скорее заработает в Англии 15 рублей, чем в Австрии не только 4 р. 50 к., а даже 3 рубля. Незначительные пошлины на чай и сахар, пошлины столь необременительные, что среднее потребление сахару простирается в Англии почти до целого пуда в год на каждого жителя, дают английскому казначейству сумму, равняющуюся целой половине всего государственного дохода Австрии; они составляют шестую часть английского бюджета доходов. Каждый может судить, обременительна ли для населения уплата такой суммы налогов, в которой целую шестую часть составляет пошлина с чая и сахара. Но еще вернее можно судить об этом, когда мы скажем, что английскому казначейству неизвестно, что такое значит недоимка: недоимок в Англии нет. В Австрии другое дело: там, когда рассчитывают, сколько принесет известный налог, всегда уже полагают значительный учет на недоимку.

Мнение, будто бы в Англии подати обременительны, происходит от двух причин, из которых одна совершенно неосновательна, а другая становится неосновательною, когда говорят об Англии не безотносительно, а по сравнению с европейским континентом. Первую причину мы уже видели: сумма денег, значительная в Австрии, незначительна в Англии, потому что рабочая плата в Англии гораздо выше, а ценность денег гораздо меньше, чем на континенте. Это то же самое, что Петербург сравнительно с городом Ишимом (есть такой город в Тобольской губернии): говорят, что в Ишиме за триста рублей можно купить дом, в котором будет больше комнат и лучших комнат, чем в квартире, за наем которой платится в Петербурге триста рублей.

Другое обстоятельство — то, что сами англичане очень много толкуют о чрезмерности своих налогов, о надобности уменьшить их, преобразовать финансовую систему и т. д. Это они делают очень хорошо: каково бы ни было положение дел, но всегда надобно стараться улучшить его. Если судить об Англии без сравнения с континентом, в ней очень много дурного; есть в ней сто-

роны, которые нехороши и по сравнению с иными континентальными государствами, например, с Францией или Бельгиею. Но размер податей и налогов не принадлежит к таким сторонам Англии. Способ распределения финансовых тяжестей по разным отраслям национальных доходов или национального потребления очень неудовлетворителен: прямые подати до сих пор непропорционально малы, косвенные налоги составляют слишком большую пропорцию в сумме государственного дохода. Справедливо и то, что государственные расходы Англии можно было бы уменьшить в очень значительной степени строжайшим принятием принципа невмешательства и изменением колониальной политики. Но все это справедливо только с точки зрения выгод самой английской нации. Если же из требования англичан, чтобы улучшена была их политическая и финансовая система, мы станем выводить заключение, будто бы жители Франции или Пруссии, а тем больше Австрии, находятся по отношению к требованиям бюджета в состоянии более выгодном, чем жители Англии, мы совершенно ошибемся. Это все равно, что жалобы порядочных людей в Англии на неудовлетворительное качество пищи английского простолюдина. Спора нет, следует желать, чтобы она улучшилась; спора нет и в том, что очень многие англичане терпят нужду в пище. Но все-таки, какое же сравнение с континентом? В одной Англии белый хлеб и мясо составляют обыкновенную пищу простолюдина; в одной Англии сахар сделался предметом ежедневного потребления всей массы народа. Система налогов, при которой существует такое положение дел, может иметь сама по себе недостатки; но должна быть названа чрезвычайно легкой сравнительно с континентальными системами.

III

Дефицит

Теперь мы уже настолько ознакомились с действиями кредита, что можем заняться рассмотрением общей теории кредитных операций.

Прибегать к кредиту — значит, брать взаймы деньги. Само собою разумеется, что деньги взаймы берет только тот, кто не имеет достаточного количества собственных наличных денег в запасе. Чувствовать надобность в пособии кредита и иметь недостаток в наличных деньгах — одно и то же.

Но мы видим, что некоторым правительствам и в некоторых случаях пользование кредитом оказывается выгодно; другим правительствам и в других случаях — вредно. Читатель сам, конечно, уже находит теперь объяснение этой разницы. Она происходит от различия в причинах и в свойствах тех финансовых

недочетов, на отвращение которых призывается помощь кредита.

Если надобность в кредите происходит не от постоянного перекоса расходов над доходами, а лишь от какого-нибудь мимолетного обстоятельства, которое скоро будет сглажено обыкновенным ходом финансовых дел; если бюджет государства представляет вообще равновесие обыкновенных, правильных доходов с расходами или даже некоторый излишек доходов над расходами, то случайная надобность быстро израсходовать сумму, которая по обыкновенному пути поступает в казну довольно медленно, — такая надобность покрывается пособием кредита очень легко и почти безубыточно для государства. Но именно легкость, с какою получает от кредита требуемые суммы правительство, имеющее бюджет подобного рода, именно эта легкость служит причиной тому, что операции подобного рода не служат сами по себе предметом особенного интереса ни для правительства, ни для ученых. Возьмем в пример недавний английский случай. Англичане в последние годы стали предполагать, что император французов не чужд мысли сделать высадку на их берега⁴. Основательно или неосновательно такое опасение, не в том дело; дело в том, что англичане имели его, что оно тревожило их, мешало им заниматься с полным вниманием и успехом их собственными делами. Надобно было им принять меры, чтобы изгнать из своих мыслей опасение видеть на английской земле неприятельскую армию. Для этого они почли за нужное, между прочим, укрепить свои гавани и разные пункты берега, доступные для высадки. На такое вооружение оказался надобен расход в несколько десятков миллионов рублей. Если б можно было разложить его на много лет, можно было бы произвести его на обыкновенные излишки, остающиеся в английских доходах за обыкновенными расходами. Но по самой сущности дела следовало произвести его как можно быстрее. А если так, то обыкновенного излишка доходов за какие-нибудь два-три года оказывалось недостаточно для покрытия этого огромного экстренного расхода, который надобно было сделать года в три, а еще лучше, если года в два или еще быстрее. При таких условиях, разумеется, понадобилась помощь кредита. Но, читая прения парламента и английских газет об этом деле, мы вовсе не видим никаких рассуждений о легкости или трудности совершить требуемую кредитную операцию. Очень много спорили о том, действительно ли надобно вооружать берега: во-первых, основательно ли опасение высадки; а если оно основательно, то устранится ли возможность высадки вооружением берегов, отстранится ли им опасение? Был некоторый спор и о том, не лучше ли будет возвысить подати, чем прибегать к займу. Но о том, труден ли будет займ, никто и не говорил; не было даже высказано ни одного предположения о том, какими бы искусственными приемами можно было облегчить эту операцию: очевидно, что о способе исполнения самой

операции никто не считал нужным и думать. Успех ее никто не ставил в зависимость от искусства министра финансов, и когда она будет исполнена, никто не поставит ему успех операции ни в какую заслугу.

Это мы говорим к тому, что когда финансовое положение хорошо, то кредитные операции не требуют для своего исполнения никакого особенного искусства и не возбуждают ничьего внимания способом своего осуществления. Они бывают делом таким же простым, как обмен векселей солидного коммерческого дома на деньги в банкирской конторе: думает ли глава солидной фирмы о том, как бы успеть получить денег в обмен своего векселя? Думает ли он восхищаться искусством своего конторщика, который, будучи послан от него к банкиру с векселем, приносит ему от банкира деньги, полученные в обмен векселя? Нет, ничего подобного не приходит и в голову солидному негоцианту. Он думает и крепко думает о том, имеет ли он надобность и выгоду выдавать на себя вексель, брать у банкира деньги. Но когда рассчитает, что это ему выгодно, он уже не имеет ровно никаких хлопот с исполнением своей мысли, с исполнением своей кредитной операции. Точно таково же отношение правительства к кредитным операциям при хорошем финансовом положении.

Но, не возбуждая сами по себе ровно никакой заботы ни в правительстве, ни на бирже, ни в публике, кредитные операции, совершаемые в подобных обстоятельствах, приобретают чрезвычайную занимательность или, вернее сказать, самую гибельную обольстительность теми заключениями, к каким ведут людей поверхностных, и теми обманами, к которым открывают возможность людям, легкомысленно пользующимся заблуждениями других. Мы видим, что каждая солидная коммерческая фирма, дела которой процветают, то есть у которой доходы больше расходов, извлекает для своих оборотов очень большое облегчение и еще новую выгоду посредством ежедневного пользования кредитом. Каждый биржевой негоциант беспрестанно выдает векселя на себя, и без этих векселей никак не мог бы вести в таком размере таких выгодных для себя дел. Английское правительство, находящееся в превосходном финансовом положении, непрерывно ведет свои дела посредством кредита: Английский банк, колоссальнейшее кредитное учреждение в целом мире, служит, собственно, конторою кредитного агентства для английского правительства; казначейство имеет с Английским банком непрерывный текущий счет; оно раз навсегда передало банку право получать все суммы, каким следовало бы идти в казначейство, и зато берет из банка, как будто из собственной кассы, все суммы, какие только понадобятся на государственный расход. Все министры, все члены парламента, все экономисты и публицисты и вслед за ними вся английская публика до последнего человека находят, что этот способ ведения финансовых дел через посредство Английского

банка, то есть чрез непрерывный и многосложнейший ряд кредитных операций, очень облегчает финансовые обороты английского правительства, избавляет его от бесчисленного множества хлопот и затруднений, а сверх всего дает ему в окончательном результате немаловажный денежный выигрыш.

А если так, если пользование кредитными операциями так выгодно, то не следует ли видеть в них могущественное средство для устранения финансовых затруднений всякого рода? Этот вывод приходит в голову каждому смотрящему только на внешний вид дела, не разбирающему его условий. Но мы уверены, что читатель очень хорошо замечает, в чем тут ошибка: одно и то же средство в разных условиях ведет к результатам очень различным. Здоровому человеку очень полезно кушать ростбиф; но если трудной больной, которому следует кушать лишь овсянку, съест кусок ростбифа, он очень <легко> может умереть от этого куска, а уже наверное затруднит им свое выздоровление.

В состоянии ли кредит пособить человеку, который имеет привычку проживать больше, чем получает, и не хочет изменить этой привычки? Каждому известно, что дела такого человека с каждым годом должны все больше и больше расстроиваться от приемов, которые может называть он, если ему угодно, кредитными операциями. Но вот именно в таких обстоятельствах и нужно бывает человеку особенное искусство, нужны особенные хлопоты для получения денег взаймы. Точно при таких же обстоятельствах совершаются и точно к таким же результатам ведут государство те кредитные операции, об исполнении которых нужно бывает много хлопотать, исполнение которых вменяется легкомысленными людьми в заслугу лицам, их исполняющим.

При хорошем финансовом положении ум государственного человека обнаруживается преобразованиями в системе налогов и податей или в распределении расходов, в умении открывать средства к уменьшению тяжести налогов, к сбережениям в расходах, — словом сказать, собственно так называемыми финансовыми улучшениями; а кредитные операции идут при этом сами собою, не принося ему никаких особенных забот. Это все равно, как у хорошего землевладельца ум обнаруживается искусством приобретать больше дохода при облегчении тяжестей, лежащих на поселянах, населяющих его землю, и умением вести свои расходы экономно; а если такому землевладельцу случается брать у купцов товары в долг, это получение кредита от купцов не соединено для него ни с какими хлопотами: каждый торговец, зная солидность его хозяйства и аккуратность его в делах, отпускает по его записке сахар или железо с такой же готовностью, как бы вместо записки посланный приносил ему наличные деньги.

Другое дело, когда финансовое положение дурно и нет охоты принять меры, нужные для его действительного исправления. Вот тогда-то забота о кредитных операциях становится на первое

место в мыслях государственного человека. Могут ли действительно пособить государству в этом случае какие бы то ни было кредитные операции, рассудит каждый читатель.

Сущность дела тут состоит в том, что государство расходует больше, чем получает, и намерено продолжать такую систему. Могут ли быть исправлены ее результаты какими-нибудь кредитными оборотами? Сущность каждой операции, призывающей кредит на помощь делу, заключается в том, что занимаются деньги. Заем этот может быть двух родов: с платежом процентов (обыкновенно так называемый заем) или без платежа процентов (выпуск бумажных денег). Каждому достаточно известно, что последний способ займа вообще оказывается для нации и для самой казны гораздо убыточнее первого, и потому будем говорить только о неизбежных последствиях первого способа, наименее убыточного. Сообразить их очень нетрудно. Если в известном году заключен заем по перевесу расходов над доходами, то в следующем году дефицит еще увеличится прибавлением к расходу суммы, требуемой процентами прежнего займа, и для уравнивания доходов с расходами потребуется заключить заем больше прежнего.

Специальные названия разных займов могут быть очень различны; условия, на которых получаются деньги посредством разных способов займа, также бывают различны; наконец, в займах одного и того же рода могут получаться деньги по проценту неодинаковому; от этого разнообразия кредитные операции принимают чрезвычайно много форм, из которых одни бывают несколько легче, другие несколько тяжелее. Но пока не восстановлено равновесие доходов с расходами, сущность всех без различия кредитных операций состоит в увеличении долгов. Переводом долгов из одной формы в другую государство может отстранять от себя обязательство немедленной или срочной уплаты занятого капитала, может иногда несколько уменьшать и сумму процентов, платимых по какой-нибудь части занятого капитала, но все такие перемены в некоторой части долговых его обязательств или уплат будут постоянно исчезать в одном неизменном общем характере дела, — характере, неминуемо происходящем от коренного факта, от несоразмерности расходов с доходами. Общий характер этот — постоянное возрастание долгов и тяжести уплат по долгам; пока не восстановлено равновесие расходов с доходами, увеличение массы долгов и процентов, платимых по долгам, не может быть отвращено никакими кредитными операциями.

Из этих длинных рассуждений краткий вывод таков: кредитными операциями устраняются лишь маловажные, мимолетные финансовые затруднения; а если, по самому устройству финансовой системы, дефицит составляет постоянное явление, то никакими кредитными операциями нельзя отвратить зла; напротив,

бно только растёт от мнимой помощи кредита, ведущего в этом случае лишь к постоянному возрастанию дефицита.

Если теперь мы спросим: следует ли ограничиться этим отрицанием, или могут быть найдены средства к изгнанию дефицита, постоянно возрастающего при известной финансовой системе? — если мы спросим это, то, конечно, опять-таки готов ответ у каждого читателя.

Мы видели, что кредитные операции годятся только против мимолетных затруднений, а против недостатков самой финансовой системы они бессильны; потому очевидно, что дефицит, являющийся постоянною чертою данной финансовой системы, может быть отстранен только изменением самой системы.

Финансовая система имеет две стороны: бюджет доходов и бюджет расходов. Дефицит может происходить от неудовлетворительности того или другого бюджета, а чаще всего происходит от неудовлетворительности их обоих.

Кроме одной Швейцарии, не находится в Европе ни одного государства, которое имело бы систему податей и налогов, хотя приблизительно соответствующую здоровым экономическим условиям. Повсюду мы замечаем, что на удовлетворение расхода требуется сумма, далеко превышающая ту, какая могла бы доставиться лишь одними податями и налогами, не имеющими вредного действия на экономическую жизнь нации или собираемыми в раз- мере, не обременительном для нации. В каждом государстве существуют такие источники доходов, о которых сами защитники их говорят: «конечно, следовало бы отменить или уменьшить этот налог, но размер наших расходов не допускает того». Не надобно ожидать идеального совершенства, — будем судить хотя только по сравнению, будем предполагать возможным хотя лишь то, польза чего уже доказана опытами других стран.

Есть такие налоги, сбор которых не увеличивает, а уменьшает сумму дохода, прямо мешая людям работать, то есть и получать средства к платежам в казну. Из них довольно будет указать на один сбор за паспорта. Нет никакого сомнения, что каждый рубль, даваемый казне этим доходом, отнимает у нее десять рублей из других налогов. Мы читали, что паспортный сбор будет преобразован. Надобно желать, чтобы найдена была возможность уничтожить самые паспорта.

Но возможность эта неразрывно связана с преобразованием главного из наших прямых налогов — так называемого ныне поземельного налога, сохранившего при этой перемене имени прежний характер подушной подати. Земля должна платить налог, рента служит одним из самых лучших и справедливых источников государственного налога; но большая часть земель, дающих ренту, была у нас до сих пор освобождена или почти освобождена от налога. Дворянские населенные земли номинально платили налога в несколько раз меньше, чем государственные; а на самом

деле вовсе не платили никакого налога, потому что взимаемый с поместий налог лежал подушною податью на крепостных крестьянах, и помещик фактически не платил ничего за землю. Зато на государственных землях налог был чрезмерно тяжел. Доказывать этого нет надобности. Пока не будет отменена привилегия большей части лучших земель, государственные доходы никак не могут стать удовлетворительны, потому что самое существование подобной привилегии возможно только при устройстве, не допускающем развития экономических сил нации. Пока налог с земель, находящихся во владении у крестьян, не будет уменьшен до такого размера, чтобы ни одно крестьянское общество не затруднялось уплатою налога, государственные доходы также не могут иметь удовлетворительной величины, потому что сумма государственных доходов не может быть выше размера национальных средств, а размер национальных средств определяется степенью благосостояния массы.

Подушная подать по размеру приносимых ею сумм занимает второе место в нашем бюджете доходов, а главнейшую статью его составляет налог на вино, взимающийся до сих пор посредством откупа. Теперь объявлено, что с окончанием текущих контрактов откуп решено уничтожить и взимать винный акциз прямым путем. Конечно, такая перемена сама по себе уже может послужить к значительному облегчению нации; но с финансовой точки зрения не менее важен вопрос о том, в каком размере будет установлен акциз. Если руководящею мыслью при этом принять стремление к сохранению нынешней величины дохода, доставляемого налогом на вино, то едва ли возможно было бы установить величину акциза, совместную с выгодами самой казны. Если смотреть отдельно на одну ветвь дохода, конечно, представляется очень привлекательною цифрою сумма около 100 миллионов рублей серебром, даваемая ныне налогом на вино. Но другое дело, если иметь в виду всю сумму государственных доходов. Мы уже говорили, что невозможно бывает получать с нации больше денег, чем сколько может она уплатить по своим существующим средствам к уплате. Если одним налогом эти средства исчерпываются на одну треть, то самую значительною статью этого отдельного источника сокращают на одну треть суммы, доставляемые всеми остальными источниками государственного дохода. Главный расчет не в том, сколько дает известный налог, а в том, какое отношение имеет он к формированию средств нации. С этой стороны разные налоги оказывают чрезвычайное разнообразие действий. Есть такие, которые прямо губельны по самой своей натуре. Из них самый знаменитый — лотерея. У нас правительство не пользуется этим разорительным средством. Есть другие налоги, которые по самой натуре своей не уменьшают национальных средств, а, напротив, ведут к их возрастанию, имея действие, прямо противоположное свойству

всех остальных налогов: это — налоги на предметы роскоши. Ни одно государство еще не решалось пользоваться ими в таком размере, какой требовался бы справедливостью; потому в самой Англии дают они сумму не очень значительную и не составляют важной статьи в бюджете доходов; но какова бы ни была сумма, ими доставляемая, она служит чистою прибылью не для одной казны, а также и для национальных средств: налоги эти имеют тенденцию обращать капиталы от пустых растрат к употреблению, более выгодному и для самих владельцев капиталов и для нации. Наконец большая часть важнейших по своему размеру налогов принадлежат к третьему классу, который до известного размера не очень обременителен для национальных средств, но расстроивает и истощает их, когда требуемая величина превышает известную норму. Таков, например, поземельный налог; таковы таможенные пошлины; таковы же и многие акцизы. Таможенная пошлина не вредит никому и ничему, когда имеет такой размер, что продажная цена товара не увеличивается от нее чувствительным образом и потребление товара, платящего ее, сохраняет почти ту же величину, какой не превышало бы и без всякой таможенной пошлины. Если же излишнею высотой своею таможенная пошлина стесняет привоз товара, она, как всем теперь известно, оказывается вредна не одним потребителям, а также и самой казне, мешая развитию национальных промышленных сил или давая им невыгодное направление. Точно то же надобно сказать и об акцизах. Возьмем в пример хотя наш акциз с табаку. Быть может, выгодно для казны оказалось бы понизить его; однакоже, и при нынешней своей величине он не очень сильно уменьшает потребление табаку, не слишком много поднимаемая продажную цену его; стало быть, хотя бы и думал кто-нибудь, что нынешняя величина этого акциза несколько высока, а все-таки надобно сказать, что и при нынешней величине наш табачный акциз необременителен. Необременителен был бы и такой акциз с хлебного вина, который не возвышал бы продажную цену этого товара в пропорции слишком громадной; если бы, например, положить такой акциз, который составлял бы процентов 25 или даже 35 в продажной цене вина, никто не стал бы находить этот налог обременительным или стеснительным. Если же акциз будет составлять 150 или 200% в продажной цене вина, дело получит иной характер. Очень вероятно, что при такой огромности налог стал бы приносить казне больше, чем при величине, совместной с правильным финансовым расчетом; но он продолжал бы сообщать народному характеру такие наклонности, которые производят в результате уменьшение всей массы государственных доходов: наклонность к беспорядочному питью, наклонность к обманыванию казны корчемством, наклонность к обманыванию покупателей в качестве продаваемого вина. Та-

ким образом излишек доходов от одной статьи далеко перевешивался бы недочетом в других статьях дохода.

Если бы место позволяло нам пересмотреть здесь все статьи нашего бюджета государственных доходов, мы, конечно, нашли бы много податей и пошлин, вполне заслуживающих одобрения своею умеренностью и всегдашним ее следствием — своею соответственностью с правильным финансовым расчетом. Но мы имеем целью не составление панегирика, а только рассмотрение средств, могущих содействовать уравновешению государственных доходов с расходами. Мы принуждены были прямо сказать, что две важнейшие статьи нынешнего бюджета — статьи, дающие гораздо более половины, быть может $\frac{3}{5}$ частей всего нынешнего дохода, — подушная подать или нынешний так называемый поземельный налог и сбор с продажи хлебного вина, — до сих пор имели у нас размер, невыгодный для всей массы государственных доходов по своей обременительности для народных средств. Конечно, большой решительности требует реформа, которая состояла бы в понижении размера этих двух платежей. Но ни в ком из людей, понимающих финансовое дело, не может быть и сомнения, что такая реформа повела бы к увеличению общей массы государственных доходов. Спросите какого угодно из знаменитых немецких, французских или английских экономистов, обратитесь за советом к какому угодно из лиц, с успехом управляющих или управлявших финансами Англии или Пруссии (только эти два государства из числа великих держав имеют финансы в хорошем порядке) — все от Рошера до Гледстона скажут одно и то же: для увеличения государственных доходов России первейшая надобность состоит в уменьшении суммы, собираемой посредством налога на вино, и в заменении нынешнего подушного оклада действительным поземельным налогом, который имел бы величину более умеренную и которому равно подлежали бы все земли, в чьих бы руках ни находились; без этой реформы другие финансовые меры не принесут большой пользы бюджету доходов.

Реформа эта, указываемая правильным финансовым расчетом, конечно, произведет в результате значительное увеличение суммы государственных доходов, но на первое время она, разумеется, несколько уменьшила бы сумму их. Уменьшение было бы далеко не так значительно, как цифра, на которую произведено было бы облегчение в налогах, ныне имеющих обременительный размер. Если акциз понижается на целую половину, доход от этого акциза уменьшится разве на пятую часть или в пропорции еще менее сильной, — остальное будет в первый же год вознаграждено или увеличением потребления, или лучшею исправностью уплат. Что же касается до замены обременительной подушной подати умеренным поземельным налогом, тут может вовсе и не быть уменьшения всей суммы сбора; напротив,

с первого же года умеренный налог может дать * больше, чем давала подушная подать, потому что была бы в этом случае отменена привилегия, лишающая ныне казну сбора с большей половины удобных земель. Отменение паспортного сбора не принесло бы казне никакого чувствительного убытка по незначительности суммы, даваемой этим налогом. Таким образом при всей великости реформы, при всей громадности облегчения, какое дала бы она народу, уменьшение в государственных доходах даже на первый год не было бы очень значительно; на второй или, много, на третий год сумма доходов уже сравнялась бы с нынешнею, а дальше стала бы возрастать с быстротою, решительно невозможною при нынешней системе. Однакоже не будем прикрывать ничем и неприятную сторону истины: на первое время действительно следовало бы ждать некоторого уменьшения в доходах.

Если же и при нынешней величине доходов расходы превышают их и обнаруживается надобность в экономии, то еще сильнее было бы нужно позаботиться об уменьшении расходов в случае преобразования системы налогов и податей. Будем помнить основную цель, с какою начали мы свои размышления: нам представлялся вопрос о восстановлении государственного кредита. Если бы продолжалась надобность в займах на покрытие дефицита, кредит не восстановился бы, а продолжал бы расстроиваться. Потому выгода требует оставить всякую мысль о каких бы то ни было займах — внешних или внутренних, процентных или беспроцентных, называющихся займами или называющихся другими техническими именами, — всякую мысль о каких бы то ни было займах для покрытия дефицита: надобно направить все свои мысли и заботы к тому, чтобы самого дефицита не было.

По различному характеру государственных расходов не все статьи в бюджете расходов могут быть сокращаемы с одинаковою быстротою и легкостью; надобно даже сказать больше: не всякая статья расхода такова, что выгодно бывает сокращать ее; напротив, есть расходы, которые выгоднее увеличивать, чем уменьшать. Упомянем из них о суммах, употребляемых на народное образование: эти расходы ведут к увеличению доходов. Таковы же расходы на отправление правосудия: если бы во время даже величайшей надобности в сбережениях потребовалось увеличить эти расходы для полезных реформ судоустройства и судопроизводства, правильный расчет решил бы не жалеть на это никаких сумм. Оставляя расходы на народное образование, на отправление правосудия и на некоторые другие подобные этим предметы, мы видим две главные отрасли расходов, сбережение в которых было бы истинным сбережением: расходы по содержанию войска и по бюрократизму.

* В «Современнике» опечатка: «быть», повторенная в Полном собрании сочинений, 1906, т. VIII, стр. 24. — *Ред.*

Заметим еще одно обстоятельство. Серьезное коммерческое доверие всегда бывает основано на точном знакомстве с делами лица или учреждения, желающего быть предметом коммерческого доверия. Если бы результатом этого знакомства оказалось даже обнаружение некоторых неудовлетворительных сторон положения дела, такой факт никак не мог бы увеличить прежнего недоверия, а, напротив, ослабил бы его: слухи всегда преувеличивают каждый действительный недостаток; как бы велик ни оказался он на самом деле, он всегда окажется меньше, чем предполагался по слухам. Биржевые люди все говорят это, и каждый, имевший дело с ними, знает, что они говорят правду. А самое главное дело то, что обнародование фактического положения с полною точностью всех подробностей служит для коммерческого мира ручательством решимости вести дело впредь аккуратным, прямодушным и расчетливым образом, ручательством за преобладание качеств и стремлений, которые одни только и нужны и притом вполне достаточны для быстрого приведения дел в состояние совершенно удовлетворительное.

Мы знаем, что не все зависит исключительно от министерства финансов; но каждому понятно, что оно все-таки должно было бы иметь главнейшую силу по финансовым делам. Сколько можно судить по обнародованным правительственным актам, министерство финансов проникнуто прекраснейшими намерениями⁵. Но если мы не ошибаемся, ему нужна поддержка со стороны общественного мнения; с целью содействовать, по мере нашей возможности, доставлению ему этой поддержки начали мы нашу статью. Посмотрим, будет ли признана польза прямых разъяснений дела; если наши предположения о стремлениях министерства финансов будут найдены справедливыми, то, конечно, мы будем иметь возможность перейти от общих соображений, изложенных теперь, к изложению и оценке мер, какие были в последнее время приняты у нас по кредитной части и по общему финансовому вопросу.

IV

Банковые преобразования

Не мало разных вопросов предлагали мы читателю в первых трех главах нашего этюда; но вопросы были все так немудрены, что не только ни один читатель, вероятно, не затруднился решать их, вероятно не затруднилась бы отвечать на них ни одна из петербургских чухонских кухарок, если б они принадлежали к читательницам русских журналов, как, очевидно, полагают многие высокоуважаемые нами люди, опасующиеся, что «Отечественные записки», «Русский вестник», «Русское слово»,

«Современник» и «Библиотека для чтения» могут иметь (разумеется, дурное, по мнению этих господ) влияние на русский народ, из которого нельзя же исключить и чухонских кухарок. Вот точно такого же рода вопросы будут и все следующие. За что другое не знаем, как ручаться в них, а за то уже ручаемся, что они будут не головоломны. Вот и теперь, например, надобно начать нам с того, чтобы спросить себя: «от чего зависит положение кредита? и если оно неудовлетворительно, то чем оно может быть улучшено?» Если читатель соглашался со взглядом на дело, излагавшимся в прежних трех главах, он не затруднится в ответе. Положение кредита — это значит легкость или обременительность условий, на которых капиталисты готовы бывают давать нам в заем деньги. Англия находит сколько ей угодно денег за $3\frac{1}{4}\%$ — по-нынешнему это считается очень легким процентом; оттого и говорят, что кредит Англии находится в хорошем положении. Турция, при помощи Миреса, ищет теперь и почти не находит денег за 10 или за 11%, а такой процент считается уже чрезвычайно тяжелым; потому говорят, что положение турецкого кредита дурно. Спросим же себя, от чего зависит легкость или обременительность условий, на каких заключаются займы частными ли лицами, акционерными ли компаниями, государствами ли — все равно. Дело явное, что вещь эта зависит не от чего иного, как от денежных обстоятельств того, кто желает занять деньги. Если его денежные дела хороши, то и условия, на которых дают ему займы, бывают легки, то есть и положение его кредита бывает хорошо; если же нет, то нет. У частного лица денежное положение просто так и называется денежным положением; у акционерного общества оно тоже называется просто положением дел этого общества; но когда говорят о государстве, то вместо этих простых выражений употребляют технический термин «финансовое положение» или другой технический термин «бюджет». Специалисты имеют привычку рассуждать таким техническим языком, который наводит робость на профана, думающего, что под мудрыми словами (впрочем, полезными в науке) скрываются бог знает какие неведомые и, пожалуй, непостижимые его простому житейскому смыслу вещи; в иных делах оно так и бывает, — например, в химии, в геологии, в микроскопической анатомии; но ведь зато эти науки занимаются исследованиями, чуждыми обыкновенного круга будничной жизни неспециалистов. А экономическая наука не такова: в ней нет ни одного вопроса, который не подходил бы к тому или другому разряду житейских забот каждого из нас; в ней нет факта, который не соответствовал бы делам, хорошо знакомым каждому из нас. Потому читатель пусть не предполагает, что не способен каждый профан понять финансовые или бюджетные вопросы так ясно, как только способен понимать счет, поданный ему кухаркою. По напрасной привычке, отвязаться от которой

трудно, мы, пожалуй, будем употреблять здесь технические слова «финансовое положение», «бюджет» и т. д., но проще было бы говорить кухонным языком, который был бы совершенно достаточен для изложения всей сущности кредитных дел.

Кухонным языком выразились мы, что кредит государства зависит от положения денежных дел государства, а книжным языком следует прибавить, что кредитные дела составляют ни больше ни меньше, как результат, и только результат, бюджета. Заем делается лишь оттого, что доходов недостает на расходы, только на покрытие дефицита. Теперь видно, чем, и чем одним только может быть исправлен кредит: только исправлением бюджета. Пусть каждый рассудит, может ли это быть иначе. $2 \times 2 = 4$, это — штука, или нет, не «штука»: будем говорить ученым языком, это — формула известная; рассмотрим же эту формулу по-ученому. По-ученому 4 тут результат, производимый взаимодействием факторов 2×2 . Положим теперь, что эта цифра 4, этот результат вам не нравится, что вы желали бы изменить его, положим, на цифру 6; вы сами знаете, что этого нельзя сделать иначе, как изменением в производящих этот результат факторах; над самою цифрою 4, сколько вы ни бейтесь, ничего с нею не делаете; а попробуйте сделать перемену в производящих ее факторах, она переменится сама собой; попробуйте написать 2×3 , само собою выйдет у вас $= 6$. Если же вы этого не сделаете, если вы будете хлопотать собственно над результатом, вы можете наделать сколько вам угодно формальных перемен, — пишите, пожалуй: $2 \times 2 = 1 + 1 + 1 + 1$, — не понравилось и это, можете написать $3 + 1$, или $5 - 1$, или $7 + 2 - 5$, или как хотите, фигурки будут выходить очень разнообразными, с виду вовсе не похожие на 4, а в сущности все останется у вас прежний результат: ведь и $1 + 1 + 1 + 1$, и $3 + 1$, и $5 - 1$, и $7 + 2 - 5$ все то же $= 4$.

Если читатель одарен такою гениальностью, что постиг столь неслыханную мудрость, то он не затруднится отвечать на вопрос: может ли кредит быть исправлен преобразованием собственно кредитных операций? Нет, не может. Потому мы прямо скажем, что не могли не остаться бесполезными усилия, обращенные на преобразование одной части наших кредитных дел — на преобразование наших банковых учреждений.

Мы не имеем претензии знать или хотя отгадывать те правительственные предположения о реформах или те приготовления к произведению реформ, которые еще не обнародованы. Нам доступны только обнародованные факты, только совершившиеся действия. Рассматривая эту выясненную для всех часть истории нашего финансового управления, мы должны сказать, что с той поры, когда правительство занялось заботами об улучшении нашего государственного быта, главным делом по финансовому управлению были банковые преобразования⁶.

Наша прежняя банковая система имела важные недостатки и неудобства. Мы не будем перечислять их, потому что они много раз были раскрываемы самим министерством финансов. Мы нимало не расположены защищать эту прежнюю систему; и будем еще иметь случай коснуться двух важнейших недостатков ее. Но, отлагая до следующей главы речь об этих двух сторонах прежней банковской системы, мы хотим рассмотреть здесь, действительно ли представляли слишком большую опасность для наших государственных дел те черты прежнего положения наших банков, которые были выставлены печатным образом как чрезмерно опасные, требующие немедленных исправлений чрезвычайными усилиями; были ли действительно обременительными для государства те черты, которые были выставляемы в печати обременительными, и, наконец, каков был результат чрезвычайных усилий, сделанных для устранения этой опасности, для облегчения этой тяжести.

Теперь мы будем говорить серьезным тоном; наше изложение будет вполне понятно для неспециалиста, но мы обращаемся, собственно, не к нему, а к нашим специалистам по финансовой части. Мы предупреждаем их, что не будем и не можем входить в технические тонкости. Не можем по двум причинам. Во-первых, у нас нет под руками подробных подлинных цифр, какие были бы нужны для достижения точности в тонких технических выводах. Мы должны основываться только на обнародованных сведениях, на общих итогах, по которым можно определить лишь самые крупные, уже вовсе не технические, а только, так сказать, популярные черты хода дела. Во-вторых, автор этой статьи не посвящен в биржевые дела. Он ни разу и не был на бирже, никогда не искал и чести слышать собственными ушами поучительные разговоры магнатов биржевого или финансового мира, думая, что нет большой надобности человеку знать рутинные мелочи специального ремесла, если не желает или не надеется сам стать ремесленником. Чтобы судить о деле, достаточно знать о нем столько, сколько знает автор, и было бы напрасно кому-нибудь отрицать это, кричать о невежестве, о пустоте и т. д. автора этих статей; кричат о нем это многие, но до сих пор это никому из них не помогало и, кажется, не достигало своей цели. Мы просим специалистов наших по финансовой части искать в следующем изложении не доказательств тому, мог ли бы автор исправлять должность бухгалтера в конторе какого-нибудь банкира или заниматься маклерскими делами на бирже, а только вникать в то, правду ли он говорит.

Сотни тысяч людей, постоянно имевших дела с нашими прежними кредитными учреждениями или, по их выражению, с «ломбардами» и никак не подозревавших, что государственные кредитные учреждения находятся в шатком положении, — они имели полное право иметь к ним безусловное доверие, потому что

Всегда получали от них деньги исправно, и, конечно, никогда не изменили бы этого доверия, потому что никогда не представилось бы прежним кредитным учреждениям никакой надобности быть несправными в расплатах, — эти сотни тысяч людей, очень близко знавших наши кредитные учреждения, вдруг узнали к своему изумлению, что положение этих кредитных учреждений очень шатко, что им грозит банкротство или такая опасность банкротства, которая для своего отвращения потребует от правительства громадных жертв. Опасение, обнаруженное перед русским обществом, мотивировалось следующим образом:

Вклады принимаются во всех банках безостановочно, по одному желанию вкладчиков; возвращаются тоже по первому их востребованию во всякое время; наконец, приносят вкладчикам проценты со дня приема, а по истечении года и проценты на проценты, хотя бы оставались без производительного употребления.

Ссуды раздаются заемному банку, сохранным казнам воспитательного дома и приказам общественного призрения — на сроки более или менее продолжительные, преимущественно на 28 и 33 года, с постепенным возвратом малыми долями.

Таким образом банки, с одной стороны, вынуждаются расширять беспредельно свои ссудные операции, дабы вырвать проценты, нужные для уплаты вкладчикам, а с другой — обязаны сохранять постоянно в запасе значительную массу наличных денег, дабы удовлетворять тех же вкладчиков в случае внезапного требования ими капиталов.

Отсюда неизбежны две крайности: или оскудение касс, опасное для кредита банков, или чрезмерное накопление праздных капиталов, что столь же убыточно для банков, сколько невыгодно для народной промышленности.

Первое до сих пор встречалось лишь весьма редко, как явление случайное и скоропреходящее. Оно было отвращаемо разнообразными пособиями от казны. Ответствуя за банки, правительство всегда поддерживало и впредь должно поддерживать их кредит, хотя бы это сопряжено было с некоторыми временными затруднениями; но такой порядок вещей, если бы он стал впоследствии повторяться чаще, нельзя признать ни нормальным, ни удобным для государственного казначейства, обремененного и без того значительными обязанностями. (Доклад о банковых преобразованиях, 1 сентября 1859 г.)

Последние строки были бы совершенно ясны, если бы прямо за ними не находились следующие строки.

Другая крайность, то есть накопление излишних капиталов, обнаружилась доселе почти постоянно. Чрезмерное накопление вкладов в банках обнаружилось в высшей степени за два года пред этим (в 1857 г.), когда сумма капиталов, не розданных в ссуды, составляла огромную цифру — свыше 180 миллионов рублей серебром (тот же доклад).

Сопоставление этих двух соображений, помещенных в докладе рядом, затемняет вопрос. Если «почти постоянно» обнаруживалось «чрезмерное накопление вкладов, не розданных в ссуды», то есть оставшихся в банковых кассах, то есть если банки почти постоянно имели в наличности чрезмерное количество денег, то каким же образом могли банки опасаться затруднений в своих средствах к уплате при востребовании вкладов? «Чрезмерное накопление» сумм, оставшихся в кассах без употребле-

ния, ведь это значит: накопление наличного, готового к возвращению запаса в таком количестве, которое превышает меру вероятного востребования. К довершению недоумения мы находим, что это «чрезмерное накопление вкладов в банках обнаружилось в высшей степени» именно в 1857 году, в то самое время, когда были предприняты реформы, основывавшиеся на опасении «оскудения касс». Впрочем, в докладе о банковых преобразованиях говорится, что «оскудение касс встречалось лишь весьма редко, как явление случайное и скоропреходящее». Действительно, требование возврата вкладов до начала банковых преобразований никогда не происходило в таких размерах, чтобы быть заметным для публики: никто из нас не помнит, чтобы когда-нибудь, хотя на короткое время, овладевало публикою стремление требовать вклады обратно из банков, и по цифрам, официально обнародованным, известно, что в течение долгого времени перед 1857 годом количество новых вкладов ежегодно бывало гораздо значительнее той суммы, какая бывала в том году востребована из банков прежними вкладчиками. Основываясь на этом, должны мы представлять себе ход дел в следующем виде.

В течение времени, непосредственно предшествовавшего началу банковых реформ, все возрастала та сумма, которая из общего количества новых вкладов оставалась в банковых кассах без помещения в новые ссуды, то есть все возрастал размер того наличного денежного резерва, который должен был служить запасом для уплат в случае востребования вкладов. К 1 января 1857 года этот наличный запас возрос до 180 миллионов рублей с лишком. До этого времени он возрастал, следовательно, в предыдущие годы эта цифра была менее. Сличая доклад о банковых преобразованиях с речью г. министра финансов, произнесенною в заседании совета государственных кредитных установлений 13 сентября 1860 года, мы находим следующую черту, служащую к пояснению дел. По докладу количество «капиталов, не розданных в ссуды», составляло к 1 января 1857 года, как мы видели, свыше 180 миллионов. По речи г. министра финансов «наличность банков» составляла в июле того же 1857 года свыше «150 миллионов». Перевес востребования сумм над взносом их начался лишь с августа 1857 года, после понижения процентов по вкладам; а первые семь месяцев того года количество взносов должно было быть больше количества востребований; значит, наличность банков в течение этих месяцев должна была бы возрастать в сравнении с наличностью, бывшею 1 января 1857 года. Что же мы теперь видим? Сумма капиталов, не розданных в ссуды, простиралась 1 января 1857 года свыше 180 миллионов; в июле того же года наличность банков, долженствовавшая возрасти с января, простиралась только свыше 150 миллионов, то есть была на цифру около 30 миллионов меньше количества

капиталов, не розданных в ссуды в начале того года. Из этого надобно заключать, что часть капиталов, оставшихся не розданными в ссуды, не была оставляема в банковской наличности, а была обращаемая на какие-нибудь другие употребления. Мы не выставляем этого за факт, потому что не имеем о том прямых указаний, а представляем этот вывод из сличения цифр лишь как наше собственное предположение, могущее пояснить дело, и очень натуральное, так что следует нам оставаться при нем, пока не будет раскрыто нам положительными указаниями, что мы ошиблись, делая такой вывод.

Теперь же, не имея пока оснований считать его неправильным, мы при его помощи находим возможность понимать дело, которое иначе оставалось бы непонятно. Из той суммы, какую составлял перевес вкладов над ссудами, часть не была оставляема в наличности банков, а была обращаемая на другие употребления. При существовании такого правила очень могло случаться, что в те годы, когда перевес вкладов над ссудами не получил еще развития, называемого чрезмерным в докладе о банковых преобразованиях, в банковской наличности оставались суммы сравнительно незначительные. При незначительности банковской наличности от обращения на другие употребления тех сумм, которые должны были бы составлять банковую наличность, могло иногда происходить, что и без всякого порыва публики к требованию возврата вкладов банковая наличность оказывалась недостаточною в случае требования возврата вкладов несколькими отдельными вкладчиками по их случайным личным надобностям. Принимая такое объяснение, мы можем понимать, что «казне представлялась иногда надобность отвращать (по выражению доклада о банковых преобразованиях) оскудение (банковых) касс заимообразными пособиями», хотя до начала банковых преобразований, как известно каждому, и ни разу не случалось, чтобы публикою овладевал даже и не в значительной степени порыв к требованию возврата вкладов, а, напротив, постоянно вносились новых вкладов на большую сумму, чем на какую требовался возврат прежних вкладов.

Если встречались по временам затруднения от причины, поясненной нами, то они могли быть отвращены на будущее время очень простым способом: следовало только прекратить обращение на другие употребления тех не розданных в ссуды капиталов, которые возникали из перевеса новых вкладов над возвратом прежних вкладов и должны были оставаться в банковской наличности. При соблюдении этой осторожности, соответствующей точному смыслу уставов банковых учреждений в целом свете, наличность наших банков быстро возросла бы до цифры, вполне обеспечивающей их на случай какого угодно стремительного порыва публики к требованию возврата вкладов. Для устранения таких опасений, для избавления государственного казначейства

от всякой надобности оказывать банкам заимообразные пособия, не нужно было никаких преобразований, — достаточно было поставить себе принципом не уклоняться от основного правила банковых уставов.

Но повторям: решительно не существовала та опасность внезапного востребования вкладов на огромные суммы, которая выставлялась причиною надобности в банковых преобразованиях. Каждому известно, каковы были лица, которым принадлежало $\frac{9}{10}$, или, вернее сказать, $\frac{99}{100}$ из всей суммы вкладов: это были люди, столь чуждые всякой мысли усомниться в исправности банковых уплат, что никогда никакими силами нельзя было никому поколебать в них безусловнейшего доверия к банкам; когда само правительство стало доказывать непрочность положения банков, они долго и тут не верили словам самих банковых установлений: мысль о недоверии просто не укладывалась в головы этих людей, как не укладывается в головы значительной части их мысль, что земля стоит не на трех китах. Если бы сами банки не стали говорить им: «вы не должны верить нам», эти люди разве через несколько десятков лет могли бы просветиться в экономическом отношении до того, чтобы заметить разницу между банковыми билетами и звонкою монетой. Как вы полагаете, скоро ли проникнет в наше общество сомнение относительно справедливости того общего в нем убеждения, что ржаной хлеб питательнее пшеничного, или что «у бабы волос долог...» и пр.? А пока умственное состояние общества не допускает поколебаться этим прапрадедовским истинам, никак не могла бы поколебаться и та заветная прапрадедами истина, что так называемые ломбардные билеты не только совершенно равносильны золоту, а даже лучше его: потому что звонкая монета может быть потеряна, украдена, а банковый билет никак не может пропасть, если владелец помнит его номер. Мы решительно утверждаем, что на той степени экономического воспитания, с которой могла бы сдвинуться наша публика лишь через десятки лет, ожидать от нее недоверия к банкам или какого-нибудь порыва к требованию возврата вкладов по недоверию к ним было так же напрасно, как ожидать, что перестанет эта публика играть в карты, любить жирные кушанья, восхищаться рысаками.

Но кроме опасения, что возврат вкладов может потребоваться по недоверию, — кроме этого опасения, совершенно не соответствовавшего нашим нравам, — приводилось и другое основание ожидать такого требования: года четыре тому назад нашим обществом овладел порыв к составлению акционерных компаний. Люди могли потребовать возврата своих взносов и без всякого недоверия к банкам на оплачивание акций. Примем сначала это соображение в полной силе, в какой выставляется оно; посмотрим, могло ли в таком случае возбуждать оно серьезные опасения за средства наших банков по возврату взносов. У нас много

говорят о страшном количестве капиталов, пошедших на акционерные общества во время нашей акционерной горячки⁷. Посмотрим, каковы на самом деле цифры. По списку акционерных обществ, перепечатанному в «Месяцеслове» на 1861 год из «Журнала для акционеров», мы видим, что в течение четырех лет, с 1856 до конца 1859-го, было основано 79 акционерных обществ. В том числе было 7 компаний для построения железных дорог. Из них по уставу громадный капитал имели: общество московско-саратовской дороги (45 милл.) и в особенности главное общество российских дорог (капитал в 275 милл. с правом выпуска облигаций на 35 милл. — всего 310 милл.). Остальные пять обществ (варшавско-венской, варшавско-бромбергской, рижско-динабургской, волжско-донской и московско-ярославской железных дорог) требовали всей суммы капитала на 31 650 000. Если хотите, можно сказать на первый взгляд, что общее количество капиталов, требовавшееся компаниям железных дорог, было громадное, — итог простирается до 392 650 000, почти до 400 000 000 рублей. Но ведь эта цифра годится только для щегольства в газетных объявлениях и в прогрессивных фельетонах. Начать с того, что почти $\frac{4}{5}$ доли из общего итога принадлежат одному Главному обществу российских железных дорог⁸. Но ведь главными основателями его были иностранные банкиры; главными помещениями акций предназначались быть парижская, амстердамская, лондонская и другие заграничные биржи, а в России сами основатели надеялись поместить лишь $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ часть капитала. У нас много говорили, что почти все акции перешли потом в Россию. Но на последнем общем собрании, происходившем в прошлом году, громадный перевес количества акций, предъявленных иностранными капиталистами, над количеством русских акций доказал совершенную неосновательность такого слуха. Много-много, если положить, что на долю России приходится из 310 миллионов общей суммы хотя 100 миллионов. Идем далее. По контракту общество обязывалось кончить постройку дорог в 10 лет; стало быть, на 10 лет распределялось и требование капитала; на нашу долю приходилось много-много миллионов по 10 в год. Это предположение, по всей вероятности, все еще слишком высоко; но остановимся на нем. Итак, положим, что в течение четырех лет следовало ожидать в России затраты на Главное общество железных дорог миллионов по 10 в год, а за четыре года миллионов до 40.

Затем другая колоссальная компания, московско-саратовская, основалась лишь в 1859 году и, как теперь видно, только на бумаге отличалась громадностью капитала, а на самом деле успела собрать до 1860 года лишь 3 миллиона рублей.

Из других пяти дорог, не щеголяющих колоссальными цифрами в своем уставе, варшавско-венская и варшавско-бромбергская, конечно, нисколько не адресуются к почтенным вкладчикам

российских банковых учреждений. Едва ли много рассчитывала на этих почтенных вкладчиков и рижско-динабургская дорога. Все три вместе они имеют капитал в 25 000 000 рублей; об этих деньгах нам нечего говорить, они наших банков не касаются.

Остаются две компании с патриотическими расчетами — московско-ярославская и волжско-донская с капиталом 12 050 000. Из них московско-ярославская до 1860 года успела собрать по своим акциям 810 000 рубл., а волжско-донская — 3 200 000, всего 4 100 000 рублей.

Подведем же теперь итог затрат русского капитала на железные дороги в течение четырех лет, от начала нашей акционерной горячки до начала прошлого года, когда горячка эта уже миновалась.

Главное общество, примерно и, по всей вероятности, гораздо больше действительных взносов	40 000 000 р.
Московско-саратовская дорога	3 000 000 »
Волжско-донская и московско-ярославская	4 100 000 »
Итого	47 100 000 »

По разложению на 4 года приходится менее 12 миллионов в год.

Посмотрим теперь на все остальные акционерные общества, за исключением компаний железных дорог, на первый взгляд запугавших нас бог знает какими громадными цифрами, а на деле оказавшихся или не слишком требовательными или не слишком успешными в сборе наших денег. Капитал всех остальных обществ за все четыре года едва равняется $\frac{1}{5}$ части блистательного итога, предъявленного компаниями железных дорог. Вот список этих остальных обществ по годам:

Годы	Число основных компаний	Сумма капитала их
1856	5	14 500 000 р.
1857	11	9 770 000 »
1858	35	41 175 000 »
1859	23	17 450 000 »
Итого 74		82 895 000 р.

Это уж не бог знает как страшно, — миллионов по 20, по 21 в год. Но ведь это акционерные компании опять только написали на бумаге, а на самом деле были гораздо скромнее. Лишь немногие общества собрали полный взнос по всему количеству акций, — иные выпустили не все число акций, другие взяли по выпущенным акциям лишь часть полной цены, а было много и таких обществ, которые только поторговались да и остались с тем же, не продав ни одной акции, не взяв ни копейки, — так и оста-

лись в идеальном существовании. Вот счет количества денег, действительно собранных акционерными компаниями (за исключением компаний железных дорог, о которых мы говорили выше):

Общества, основанные в годах	Успели собрать денег до начала 1860 г.
1856	9 000 000 р.
1857	4 983 100 »
1858	16 882 000 »
1859	727 500 »
<hr/>	
Итого . .	31 597 600 р.

Позвольте, однако, это еще не все. Есть в списке 6 таких обществ, которые пытались было выпускать акции, прося взносов — иные р. по 50, иные р. по 25 на акцию, но о которых неизвестно, по скольким акциям успели они собрать эти умеренные количества синеньких и красеньких кредитных билетов, акции которых так и остались безвестны биржевым маклерам, — ну, что нам скупиться, — ведь расход наш оказывается очень невелик: положим, что мы дали этим застенчивым обществам тыщенок сотни 4 с хвостиком, чтобы уж вышел круглый счет — 32 миллиона за 4 года.

Но только опять, позвольте, — мала цифра у нас вышла, а все-таки больше настоящей. У некоторых обществ есть акции, оплаченные разными суммами, — не зная, сколько их оплачено по такой цене, мы все считали по одной высшей сумме. А кроме того, как вы полагаете, не существует ли и таких обществ, у которых акции господа учредителей и оказываются в отчетах оплаченными, хотя господа учредители и директора еще не нашли надобности внести по ним деньги? Надобно бы сделать какую-нибудь скидку за эти два обстоятельства, но бог с ними, что тут нам скряжничать: пусть остается хоть на бумаге кругленькая, полненькая цифра 32 миллиона, до которой не достигали взносы в суровой, скупой действительности.

Ну-с, так сколько же переплатили мы акционерным компаниям в 4 года своего акционерного усердия?

По обществам железных дорог никак не больше, а наверное гораздо меньше	47 100 000 р.
По остальным акционерным обществам наверное меньше	32 000 000 »
<hr/>	
Итого наверное гораздо меньше . . .	80 000 000 »

Теперь, если положить, что все эти взносы непременно должны были произойти через востребованные из банков вклады, все-таки банкам никак нельзя было их опасаться, не только в том случае, если была у банков 1 января 1856 года наличность,

но если бы не было и ровно никакой наличности, лишь бы принять им то правило, о котором говорили мы выше: прекратить обращение на другие назначения тех сумм, которые возникали из перевеса вкладов над востребованиями и которые должны были оставаться в банковской наличности. Действительно, размер взносов в акционерные общества был, постоянно менее такого перевеса, пока не начали банки делать чрезвычайные усилия для уничтожения этого перевеса, для принуждения вкладчиков прекратить новые вклады и востребовать назад прежние вклады.

к 1 января 1853 года сумма вкладов в наших кредитных учреждениях была	806 083 233 р.
А к 1 января 1856 года	924 681 639 »

За три года перевес вкладов над востребова- ниями составлял	118 598 406 р.
то есть в год средним числом около	40 000 000 »

То же самое продолжалось до самой эпохи понижения банковых процентов. Теперь, если мы предположим, что решительно все суммы, пошедшие на взносы в акционерные общества (менее 80 миллионов в 4 года) составлялись бы из денег, которые иначе пошли бы в банки или которые уже лежали в банках, все-таки оставался бы в эти годы значительный перевес новых вкладов в банки над востребованиями: ведь перевес этот без такого уменьшения составлял бы миллионов по 40 в год, а на новое занятие требовалось меньше 20 миллионов в год, стало быть, и за вычетом его оставался бы перевес новых вкладов над востребованиями миллионов по 20 в год.

Но ведь каждому известно, что если сверх одного прежнего помещения для сбережений открывается еще другое помещение, то не вся сумма, обращающаяся на второе помещение, составляется из отклоненных от прежнего помещения капиталов, а обыкновенно значительная часть ее составляется без всякого ущерба прежнему помещению, через усиление сбережения, благодаря двойной привлекательности двойного помещения. Положим, например, что возникало в России пароходство, — деньги, пошедшие на постройку пароходов, вовсе не были отвлечены от прежнего занятия постройкою экипажей, — нет, это были новые деньги, прежде ни на что путное не шедшие. Телег, саней, фур и т. д. продолжало строиться не меньше прежнего оттого, что стали строиться пароходы. Или положим, что в некоторых местностях, имевших капиталы в кожевенном производстве, начали бить подсолнечное масло — кожевенное производство нимало не потерпело от этого: сумма шедших на него капиталов не уменьшилась, а на маслостройное производство пошел новый капитал, не отнятый ни от кожевенного, ни от какого другого прежнего производства. Случаи, в которых капитал шел бы на новое помещение из прежнего, бывают довольно редки, да и в них коли-

чество перемещенного капитала составляет почти всегда лишь меньшую половину всей суммы капитала, занятого новым помещением, а большая часть этого капитала берется из новых сбережений, еще не имевших никакого помещения.

Перелагая эти общие выводы политической экономии на простой язык в применении к нашему делу, мы видим, что при возникновении у нас акционерной горячки надобно было ожидать следующего хода дел. Надобно было ожидать, что к помещению денег в акционерные компании будут привлечены по преимуществу люди, которые занимались прежде подобными же более или менее рискованными оборотами, обещающими в случае успеха прибыль, гораздо большую верного банкового процента; что главным источником взносов за акции будет прибыль, получаемая этими оборотливыми лицами от прежних их предприятий, которых они не бросят; что приманкою высокого процента, обещаемого акционерными компаниями, будут возбуждены также сберегать для покупки акций часть своих доходов люди, которые прежде растрачивали весь доход свой; но что из лиц, предпочитавших верный банковый процент высшему проценту рискованных оборотов и хлопотливых или неверных помещений, очень мало найдется таких, которые отвлекутся от банков акционерными обществами. В самом деле кому из нас неизвестно, что кто желал хлопотать или рисковать, всегда мог получать у нас на свой капитал более 10% дохода? что более 8% дохода давали ссуды частным лицам под самое верное обеспечение? что испокон века каждый предполагавшийся имеющим деньги был осаждаем людьми, предлагавшими ему поместить свой капитал на очень выгодных и обеспеченных верным залогом условиях? Кто удерживался от этих привлекательных помещений, кто предпочитал им банк, тот уже был надежный приверженец банка; какая бы ни была акционерная горячка, она могла заразить разве слишком немногих из таких людей. Оно действительно так и было. Громадное большинство акционеров новых компаний набервалось из оборотливых людей или горячих людей, никогда не клавших денег в банки; громадная же масса банковых вкладчиков дала лишь незначительную пропорцию в разряд акционеров. Это известно каждому. Таким образом из 80 миллионов рублей, пошедших в 4 года на акционерные общества, лишь меньшая половина была или вынута из банков, или была удержана от поступления в банки; значительнейшая часть акционерного капитала сформировалась без всякого ущерба для банковых взносов. Мы видели, что при отнятии у банковых взносов всей этой суммы 80 миллионов в 4 года, банки все-таки имели бы ежегодно [очень] большой перевес новых вкладов над востребованиями. Тем больше был перевес в действительности, когда не по 20, а разве по 7 или 8 миллионов в год шло бы на акционерный капитал с убылью банковым взносам.

Погодите, это еще не все. Пошло на акционерные общества менее 80 миллионов рублей в 4 года, из них лишь меньшая половина могла идти с ущербом для банковских взносов. Но неужели вы думаете, что и до этих сумм дошел бы размер затрат на акции, если бы не были приняты самим правительством сильные меры к увеличению затрат на акции? В речи г. министра финансов 13 сентября 1860 года совершенно справедливо говорится: «мера эта (понижение банковского процента) возбудила чрезвычайное развитие акционерных предприятий и стремление к покупке акций и фондов». Каждый из нас засвидетельствует, что слова г. министра финансов с совершенною точностью выражают ход дела. Если кто не хочет вполне доверять своему личному впечатлению и словам, которые слышал тогда от каждого, тот может проверить их цифрами: цифры совершенно подтверждают характеристику дела, представленную г. министром финансов и соответствующую всеобщему тогдашнему впечатлению.

В два года, 1856 и 1857, основано было (кроме компаний железных дорог) 16 акционерных обществ с капиталом в 24 270 000 рублей. Надобно заметить, что уже и в этот двухлетний период входят с лишком пять месяцев времени, подвергавшиеся влиянию пониженного банковского процента (в первый раз он был понижен, по той же речи г. министра финансов, в июле 1857 г.). Конечно, и тут уже есть некоторая доля капитала, принужденного обратиться в акционерные общества только понижением банковского процента. Кроме того, в числе обществ этого периода находится Русское Общество Пароходства и Торговли, основавшееся только благодаря прямому содействию правительства, принявшего на себя значительную часть взносов по акциям и давшего Обществу очень значительный ежегодный доход. Не имея права считать Русское Общество Пароходства и Торговли возникшим из силы влечения собственно частных людей к акционерным предприятиям, мы должны исключить его из счета, определяющего эту силу. Остается 15 обществ с капиталом в 15 270 000 рублей, из которых, как мы заметили, часть произошла уже от понижения банковских процентов.

Но если и не считать этого влияния, уже обнаруживавшегося, если развитие частных акционерных обществ за все эти два года приписывать собственно влиянию публики, не зависящему от банковской реформы, все-таки мы увидим чрезвычайно сильное влияние пониженного банковского процента в числе и капитале акционерных обществ, возникших в следующие два года. В 1858 и 1859 годах (опять за исключением компаний железных дорог) основалось акционерных обществ 58 с капиталом в 58 625 000 рублей. Сличение двух периодов обнаружит нам силу, с какою подействовало на развитие акционерных обществ понижение банковского процента.

Годы	Число обществ	Капитал их
1856—1857	15	15 270 000 р.
1858—1859	58	58 625 000 »

Цифры второго двухлетия почти в четыре раза больше цифр первого двухлетия. С лишком $\frac{2}{3}$ развития акционерного капитала в 1858 и 1859 годах мы смело можем приписать влиянию пониженного банкового процента.

Мы видели, что в течение четырех лет (1856—1859 гг.) всеми акционерными обществами, кроме железных дорог, было собрано менее 32 миллионов и около 7 миллионов было собрано, за исключением Главного общества, теми обществами железных дорог, которые действовали на пространстве, на котором могли встречаться с нашими банковыми учреждениями. Все это составляет менее 40 миллионов. В этой сумме около половины произошло прямо от понижения банкового процента и разве 20 миллионов были бы обращены на эти дела без такого понижения. Прибавьте столько же, если хотите — вдвое больше, на покупку акций и облигаций Главного общества железных дорог, все-таки оказывается, что на акционерное дело, без возбуждения со стороны правительства, пошло бы не больше, как от 10 до 15 миллионов рублей в год, а из них едва ли не половина составила бы через отвлечение вкладов от наших банков. А без понижения банковых процентов сумма привычного перевеса вкладов над востребованиями, сумма, из которой шел бы этот вычет, простиралась бы миллионов до 40 в год, то есть за вычетом всех сумм, отвлекаемых акционерными делами, оставался бы перевес вкладов над востребованиями миллионов до 30 в год.

Потому-то мы и говорили, что если бы в наших банках к 1 января 1856 года даже и вовсе не было никакой наличности, все-таки не было бы им никакого опасения затрудниться в требуемых уплатах, лишь бы только захотели соблюдать ни непременное условие порядка во всяких банковых делах, — решились они не давать никаких других назначений суммам, которым, по обыкновенному банковому порядку, следовало бы оставаться в их кассах; один уже перевес вкладов над [востребованиями дал бы нашим банкам средства удовлетворять всем] востребованиям вкладов с постепенным образованием и увеличением кассовой наличности, которая, начавшись 1 января 1856 года от нуля, далеко превзошла бы к 1 января 1860 года сумму 100 миллионов. При нравах нашего общества, при непоколебимом доверии его к банкам нечего было опасаться востребования вкладов в размере, затруднительном для касс, какова бы ни была наличность их в ту минуту, с которой решились бы банки строго следовать обозначенному нами условию.

Но в противоположность мотиву, напрасность которого мы старались показать, выставлялся для банковых реформ еще другой мотив, прямо не совместный с первым. Говорилось, что банки не в состоянии будут удовлетворить востребованию вкладов; вместе с тем говорилось, что банки обременены чрезмерным накоплением кассовой наличности, которой уже не находится помещения, которая лежит в банках напрасной тяжестью, между тем как должны банки производить уплату процентов по вкладам, из которых составила эта чрезмерная наличность. Мы видели из доклада о банковых преобразованиях, что сумма капиталов, не розданных в ссуды, составляла в 1857 году свыше 180 миллионов рублей серебром.

Если бы следовало решать, как должны действовать банки под совместным влиянием обоих этих мотивов, — под влиянием опасения, что неостанет у них денег на требуемые уплаты, и под влиянием обременения своего громадными наличными суммами, которых некуда им девать при всем желании сбыть с рук, — разрешить такую дилемму было бы невозможно, как невозможно было бы дать никакого совета человеку, который в одно время жаловался бы на чрезмерную свою полноту и на чрезмерную свою сухощавость. К счастью, мы надеемся показать, что положение дел не было так безвыходно. Пугавшая нас опасность востребования вкладов в размере, затруднительном для банковых касс, вероятно, уже рассеялась, и с этой стороны читатель, конечно, успокоился. Теперь мы посмотрим на мнимую безвыходность обстоятельства, выставлявшегося другим мотивом для безотлагательных чрезвычайных мер.

Сначала мы предположим, что действительно нельзя было бы уже найти никакого выгодного помещения для капиталов, затруднявших банк своим чрезмерным накоплением. Трудно ли было бы банкам выносить несколько лет такое обременение? Количество вкладов 1 января 1857 года, — года, к которому относится рассматриваемый нами мотив, — должно было составлять 1024 170 882 рубля*. Перевес востребований над новыми вкладами простирался в этом году только на 11 299 690 рублей, а количество ссуд оставалось в течение этого года почти неизменным, как и в два предшествующие и следующий год**. Из этого видим, что тяжесть чрезмерного капитала, оставшегося не розданным в ссуды, выставляемая обременением для банков в первую половину этого года, не могла значительно уменьшиться до самого конца его. Таким образом со стороны этой обременитель-

* Эту цифру мы выводим из следующих данных отчета г. министра финансов за 1857 год. Вкладов к концу этого года осталось 1 019 871 192 рубля, а под влиянием пониженного в половине того года процента в течение всего года истребовано было вкладов на 11 299 690 рублей более, чем было внесено.

** К 1 января 1856 года количество ссуд было 1 039 522 255 рублей, а к 1 января 1859 года — 1 038 199 531 рубль.

ности весь 1857 год был самым тяжелым для наших банков. Однако же из отчета г. министра финансов за этот год мы видим, что прибыль, полученная нашими банками в этом году, простиралась до 5 205 483 рублей. Положение, которое, при всех жалобах на его обременительность, оставляло банковым учреждениям 5 миллионов прибыли в самый тяжелый год, еще могло бы выносить отсрочку, хотя бы и не представлялось никакой возможности найти выгодное помещение для капиталов, лежавших без употребления и давивших банки обязательством уплаты процентов по ним.

Но неужели трудно было найти выгодное помещение для этих не розданных в ссуды капиталов так, чтобы они, оставаясь наготове для уплат по первому востребованию вкладов, — востребованию, которого нельзя было ждать без понижения банковых процентов, — с тем вместе приносили банкам доход, с излишком покрывающий уплату по ним процентов вкладчикам? Каждому известно, что если в банке накапливается наличность, имеющая вероятность оставаться в кассе довольно долгое время, то банк обменивает эту наличность на какие-нибудь фонды, имеющие твердый курс и могущие быть во всякое время реализованными на бирже. Нашим банкам стоило только прибегнуть к этому известному способу. Ближе всего было бы покупать облигации собственных наших займов, фонды наших внешних пятипроцентных займов по среднему курсу около 110. Положим, что из капитала свыше 180 миллионов рублей, тяготившего наши банки своею излишнею наличностью, было бы на это обращено 150 миллионов рублей, — мы так только говорим, не зная, какая часть всей накопившейся суммы считалась излишнею, а какая действительно нужною для кассовой наличности, мы только для примера полагаем, что присутствие 30 миллионов с лишком в наличных деньгах, вероятно, не было бы для касс слишком стеснительно, и только уже остальные 150 миллионов казались излишними и стеснительными, а впрочем, берите какую хотите долю лишнего и нелишнего, расчет будет тот же самый. Итак, положим, что лишними, обременительными были 150 миллионов рублей, — что вышло бы при их обращении на покупку пятипроцентных фондов наших внешних займов?

Полагая фонды купленными по среднему курсу 110, всего было бы куплено фондов на сумму по нарицательной цене 136 363 636 рублей; на них по пяти процентов банковые кассы получили бы дохода . . . . . 6 818 182 р.

А за 150 миллионов вкладов, употребленных на эту покупку, банковые кассы платили бы вкладчикам по 4%, всего . . . . . 6 000 000 »

В остатке было бы чистой прибыли банкам . . . . . 818 182 р.

Если бы принять такой способ занятия для излишней части капиталов, не помещающихся в ссуды, то очевидно, что банки наши не стеснялись бы и не обременялись бы никаким накопле-

нием капиталов: тем больше прибыли, чем больше накапливается в них вкладов.

Могут возразить против частного помещения, приведенного нами в пример. Это как кому угодно. Банки наши имели очень широкий простор выбора между разными фондами, и очень много можно было найти таких, которые при самой высокой твердости курса давали процент выше процента 4, уплачивавшегося нашими банками по вкладам. На одной парижской бирже обращается собственно французских процентных бумаг на сумму более 5 000 миллионов рублей серебром; еще больше размер фондов, обращающихся на лондонской бирже. Выбор можно было делать из всей этой громадной массы помещения. Вторая половина 1857 года и 1858 год почти до самого конца были временем, особенно благоприятным для подобных оборотов. Тогдашний коммерческий кризис понизил цену фондов на всех западных биржах, так что, купив их тогда, можно было смело ожидать значительного выигрыша при реализации, в какую бы минуту ни понадобилось потом реализовать их. Впрочем, напрасно мы и доказываем возможность этого способа им получить не убыток, а прибыль от накопления денег в кассах: ведь он не был неизвестен нашим банкам, напротив, употреблялся ими; так, в докладе о банковых преобразованиях мы читаем, что к 1 июля 1859 года из наличности банковых касс, простиравшейся до 71 167 172 р., находилось в «публичных фондах» 47 825 172 р.

Довольно было бы знать этот способ помещения наличных капиталов, чтобы отстранялась всякая мысль о безвыходности положения, в которое, как нам говорят, становились наши банки чрезмерным накоплением в них вкладов, остававшихся не розданными в ссуды. Но в докладе о банковых преобразованиях мы сверх того находим очень верное указание на другой способ помещения, столь же выгодный для банковых учреждений, сколько благодетельный для государства. Вот слова доклада: «выкуп крестьянских угодий не может совершиться без помощи кредита». Распространяться об этом предмете мы считаем делом излишним: без всяких объяснений каждому понятно, что чем больше могло собраться свободных денег в наших банках для обращения на эту цель, тем лучше было для государства и выгоднее для самих банков, потому что при назначении свободным деньгам этого занятия они могли бы не оставаться праздными ни одного дня.

Мы не имеем ни малейшего желания доказывать, что прежние наши банковые учреждения были образцом совершенства и не имели очень важных недостатков, исправление которых могло бы совершиться с большою пользою для государства. Мы хотели только показать, что их положение в начале 1858 года вовсе не было отчаянным, непременно требовавшим наискорейшей реформы, невзирая ни на какие обстоятельства, не щадя никаких усилий; мы старались показать, что напрасно было опасение, что

потребуется возврат вкладов в размере, превышающем средства, какими располагали бы кассы банков при соблюдении основного правила всех банковых учреждений, по какой бы то ни было системе устроенных, и что, с другой стороны, накопление вкладов легко могло быть из затрудняющего обстоятельства обращено в источник прибыли для банков и в средство к совершенно реформы сельских отношений, приступить к которой намеревалось тогда правительство.

Посмотрим теперь, каковы были результаты банковых преобразований, мотивами к которым выставлялись два рассмотренные нами обстоятельства: опасение за то, что кассы банков могут оскудеть от перевеса востребований над вкладами, и мнение об обременительности чрезмерного накопления капиталов в банковых кассах от постоянного огромного перевеса вкладов над востребованиями.

Сущность этих преобразований известна: банковый процент был понижен, — сначала с 4 на 3, потом, когда такое понижение оказалось не производящим достаточно обширного или быстрого действия, процент был понижен с 3 на 2. Первое понижение произведено было в июле 1857 года, второе — через 25 месяцев, 1 сентября 1859 года. Вместе с тем прежним вкладчикам, не желавшим ни оставлять свои вклады по пониженному проценту, ни вынимать их из банков, предоставлено было право обменивать прежние билеты, по которым возврат вкладов производился безотлагательно по предъявлении, на новые билеты с более или менее отдаленным сроком выкупа или с безвозвратным помещением капитала. Сначала положено было по этим новым билетам 4%, потом, когда этот процент оказался не довольно привлекательным, по 5%. Этою совокупностью мер предполагалось остановить прилив новых вкладов в банки, а прежние вклады обратить из условия возвратимости по первому предъявлению в безвозвратные и таким образом отвратить опасность «оскудения» касс от востребования вкладов и избавить кассы от чрезмерного накопления капиталов.

О том, какой размер действия имели эти реформы в первые пять месяцев, до конца 1857 года, мы не можем судить с точностью; мы только знаем из отчета г. министра финансов за 1857 год, что в этом году возврат вкладов стал выше взноса на 11 299 690 р., между тем как в прежние годы постоянно был на стороне взноса очень значительный перевес. Но сумма 11 299 690 р. не выражает всего возврата вкладов, происшедшего после понижения процента, потому что в первые семь месяцев года, конечно, был попрежнему перевес вкладов, и востребование в последние 5 месяцев должно было сначала уничтожить этот наросший вкладов, прибавившийся до августа в сумме их, большей 1 января, а только потом началось понижение этой суммы, дошедшее, как мы знаем, до 11 299 690 рублей. Итак, оставляя в

стороне последние 5 месяцев 1857 года, начнем счет с 1 января 1858 года. По отчету г. министра финансов

количество вкладов к 1 января 1858 г. было .	1 012 871 192 р.
а (по докладу о банковых преобразованиях) оставалось к 1 января 1859 года	967 107 041 р.
Итак, перевес возврата в 1858 году составлял .	45 764 151 р.
В первые восемь месяцев 1859 года (по речи г. министра финансов 13 сентября 1860 г.) до понижения процента с 3 на 2 перевес возврата составлял	50 279 605 р.
Итого с 1 января 1858 до 1 сентября 1859 года, в течение 20 месяцев, под влиянием понижен- ного банкового процента 3, перевес востребо- вания составлял	96 043 756 р.
А с 1 сентября 1859 года, когда процент с 3 по- нижен был на 2, до 1 сентября 1860 года, в течение 12 месяцев, перевес возврата составил	147 233 156 р.
Итого	243 276 912 р.

Присоединив к этому 11 299 690 рублей уменьшения в количестве вкладов к 1 января 1858 против 1 января 1857 года и положив несколько миллионов на уничтоженную возвратом в последние 5 месяцев 1857 года прибавку вкладов в первые 7 месяцев его, мы увидим, что всю сумму перевеса востребований над вкладами, произведенную понижением банкового процента, надобно считать от 260 до 275 или 280 миллионов рублей в течение 37 месяцев — с августа 1857 по 1 сентября 1860 года. Из этой суммы несколько менее половины приходится на влияние первого понижения до 3 процентов в течение 25 месяцев, а несколько более половины приходится на влияние второго понижения до 2 процентов в течение 12 месяцев. Вторым понижением слишком вдвое усилено было движение, начатое первым понижением.

Но вот любопытная черта этого движения. Мы говорили до сих пор о перевесе возврата вкладов над взносом. Каков же был весь размер востребования вкладов в эти годы столь сильного действия реформ?

До начала реформ востребование вкладов простиралось до 200 миллионов ежегодно. С 1 января 1859 по 1 сентября 1860 года, в течение 20 месяцев, оно простиралось до 436 540 628 рублей, то есть в месяц, средним числом, до 21 800 000 р., а в год, средним числом, по 262 000 000 р.; это значит, что, несмотря на чрезвычайные усилия принудить вкладчиков к востребованию вкладов, всего лишь на 60 миллионов в год стало больше востребований, чем было прежде, — только около 200 миллионов в течение трех с лишком лет были востребованы вкладчиками собственно по влиянию понижения процентов; остальная сумма востребований в эти 37 месяцев, простиравшаяся приблизительно до

600 миллионов с лишком, была вынута из банков просто по влиянию прежнего натурального порядка, по которому и до банковых реформ, при постоянном перевесе вкладов над востребованиями, востребования простирались до 200 миллионов рублей в год. Эта сравнительная незначительность суммы 200 миллионов рублей, вынутой из банков по сильнейшему принуждению со стороны их, лучше всего показывает, как непоколебимо было доверие публики к банкам и как напрасны были опасения, что могли бы и без банковых реформ оскудеть кассы от какого-нибудь порыва публики к востребованию вкладов. Прежнее движение востребований, при котором ежегодно оставался перевес новых вкладов на несколько десятков миллионов рублей, могло быть чрезвычайными усилиями самих банков расширено от суммы в 600 миллионов, какую имело бы без того в эти три с лишком года, не больше, как только до суммы 800 миллионов. Кажется, после этого не нужно и говорить, с каким изумительным упорством публика старалась удержаться от востребования вкладов, к которому принуждали ее сами банки.

Точно так же изумительно упорство публики вносить вклады, отвергаемые банками. Из речи г. министра финансов 13 сентября 1860 года мы видим, что в течение первых 8 месяцев 1859 года, то есть в течение последних 8 месяцев процента, пониженного до 3, — в эти 8 месяцев, когда влияние пониженного процента, конечно, уже совершенно развилось, действуя перед тем уже целых 14 месяцев (с августа 1857 г. до конца 1858 г.), в эти 8 месяцев взносы простирались до 152 065 481 р., то есть в размере по 19 миллионов в месяц, или по 230 миллионов рублей в год, между тем как прежде, до понижения процентов, высшая цифра взносов была менее 250 миллионов (в 1856 г.). Чрезвычайным усилием оттолкнуть от себя взносы банки наши успели из 290 миллионов оттолкнуть от себя менее 60 миллионов, успели оттолкнуть от себя $\frac{1}{5}$ долю прежнего прилива.

Скажите же теперь, возможно ли было бояться какого-нибудь затруднительного для банков порыва к востребованию прежних вкладов со стороны публики, которая, несмотря на чрезвычайные принуждения со стороны банков увеличить востребования и уменьшить взнос, так упорно выдерживала в течение с лишком двух лет (до сентября 1859 г.) свою укоренившуюся привычку вносить и не требовать возврата.

Если мы не ошибаемся, все это дело представляет феномен, беспрецедентный в истории кредита. Люди говорят: «мы верим безусловно», им говорят: «нет, вы не должны нам верить». Люди попрежнему отвечают: «нет, мы верим и верим вам, мы неспособны к тому, чтобы не верить вам»; тогда заставляют искусственными мерами действовать так, как будто они потеряли доверие; меры приняты сильные, но люди так упорны, что наперекор этим мерам продолжают действовать попрежнему; тогда принимаются новые, еще сильнее меры, чтобы люди, все еще не

колеблющиеся ни в доверии, ни в прежних привычках, были лишены физической возможности оказывать доверие.

Странное дело, понять которого никто не мог бы, если б не служило к нему ключом забвения различий между особенными условиями, в которых действовали наши банки, и обыкновенными требованиями западных экономистов и бирж от западных банков, находящихся в другом положении. Видно было, что положение наших банков неудовлетворительно; мы заметили это в ту знаменитую эпоху чудного самообличения, когда с таким шумом, с такими восторгами необычайной пронизательности и восторженнейшего восхищения своею способностью находить дурное и желать хорошего, мы прощивали столько мух, продолжая попрежнему глотать верблюдов, когда станковые и волостные писаря, заседатели и квартальные были объявлены виновниками наших недостатков и беспорядков, —

Когда Громека с силой адской
Все о полиции писал,
Когда в газетах Вышнеградский
О бескорыстии объявлял⁹,

когда тысячи благороднейших людей бросали грязью в князя Черкасского за неловкую, но против его собственного расположения, с глубоким отвращением сделанную им попытку компромисса между желаниями таких людей, как он, и ожесточенными отсталыми людьми, а сами с восхищением своею прогрессивностью решали вопрос в смысле самых крайних отсталых людей, когда махровою розою нашего литературного благородства расцвел знаменитый протест в пользу евреев, протест, к которому приложил руку и автор этих статей (о, как молоды бывают люди вовсе не молодых лет!), когда было совершено столько других подвигов, отличающихся таким же глубоким смыслом. Вот в это время, как мы сказали, замечено было, что наша банковая система действует неудовлетворительно. Как же тут быть, что делать? Вопрос разрешился очень просто следующими силлогизмами.

Когда на Западе положение банка неудовлетворительно, банку грозит кризис; у нас положение банков неудовлетворительно, следовательно, нашим банкам грозит кризис.

Итак, надобно принять наискорейшие, сильнейшие меры для предотвращения кризиса исправлением неудовлетворительных сторон положения. В чем же эти неудовлетворительные стороны и как их исправить?

Положение западного банка бывает опасно, когда он имеет слишком большую сумму вкладов, которые обязан возвращать по первому востребованию. Тут с минуты на минуту может нахлынуть публика с требованием возврата вкладов, кассы банков оскудевают в несколько мгновений, и — хлоп! — затворяются двери банка, он прекратил платежи, он обанкротился. У нас масса подобных вкладов имеет беспримерную величину, чуть ли не

больше всей совокупности банков целой Западной Европы. Следовательно, у наших банков смерть на носу, и смерть собственно от этого обстоятельства; итак, во что бы то ни стало консолидируем такие вклады, обратим их в долгосрочные или безвозвратные.

На Западе положение банка бывает очень тяжело, когда приливает к нему чрезмерный запас наличности. У нас количество вкладов, не находящих себе помещения в прежние ссуды, растет громадно, — следовательно, наши банки должны чувствовать обременение и постараться выпустить из своих касс эти капиталы, как делают западные банки.

Более рассуждать не о чем. Опасность открыта, причины ее найдены, средства к исправлению приисканы. Оно все бы так, только сходными именами назывались у нас не те вещи, по каким судили о наших вещах. У французов Мелани — уж непременно изящнейшая девушка. А наша Melanie * выше кухарки не бывает; изящная барышня у нас называется Лидиею. Так вот было и тут.

Вкладчики банков у нас были не те люди, которые называются вкладчиками банков, — то люди, дающие мимоletное помещение своим коммерческим капиталам на мелкие промешутки, между оборотами, — ныне осталось у негоцианта несколько тысяч сверх торговой надобности, он несет их в банк, через месяц вынимает, через два месяца снова кладет, чтобы опять вынуть. У нас вкладчики были люди совершенно иного класса; они соответствовали не вкладчикам западных банков, а сословию, называемому во Франции рентьерами; а вклады наших банков соответствовали не вкладам западных банков, а фондам государственного долга. Во Франции, кто хочет обратить свою движимую собственность в процентные бумаги, просит маклера обменять ему деньги на государственные фонды; у нас такой человек отправлялся в опекунский совет и просил служащих в этом совете обменять ему деньги на «ломбардный билет». Как французские рентьеры никогда, ни при каком коммерческом кризисе не находят нужным продавать свою ренту, так наши вкладчики никогда не думали выпускать из рук свои ломбардные билеты; их процентные бумаги, как процентные бумаги французских рентьеров, поступали в обмен на деньги лишь по смерти владельца или когда владелец решался обратить свою движимую собственность в недвижимую. Разница лишь та, что часть французской ренты находится в руках коммерческих людей и является на биржу, а наши ломбардные билеты никогда не являлись на нее и не могли явиться.

Из этого также видна будет разница между накоплением вкладов у западных и у наших прежних банков. Если у коммерческих людей долгое время остается много денег без оборота, это значит, что торговля и промышленность впала в застой, а вкладчики западных банков — коммерческие люди, и вклады

* Маланья.—Ред.

их — та часть оборотного торгового и промышленного капитала, которая остается без дела; потому накопление вкладов там — признак торговых и промышленных затруднений, угрожающих коммерческим кризисом. А у нас было совсем не то: накопление вкладов просто обозначало, что люди, не занимающиеся коммерческими делами — чиновники, офицеры, домовладельцы и т. д., начинают быть расчетливее прежнего, начинают меньше прежнего сорить деньги, лучше прежнего беречь их. Какая могла быть беда от того им ли самим, нашей ли торговле и промышленности или нашим банковым учреждениям? Это явление просто было следствием перехода значительной части нашего общества от дикой, азиатской роскоши к более скромному, европейскому образу жизни. Эти вклады соответствовали тем ассигнациям, которыми наши люди с широкими натурами закуривали в старину трубки, тому шампанскому, которое пили они в старину на каменку в банях, и тем фунтам жемчуга, которыми обвешивались их жены.

Читали ли вы буквальные переводы и занимались ли курьезным сравнением смысла подлинника с русским смыслом таких переводов? Вот вам небольшой образец, — мы переводим из английского «Экономиста»: «напрасно берет свое жалованье тот офицер, который не сидит по крайней мере восемь часов в день в своей конторе над бумагами», — что за дичь такая? Нет, по-английски оно не дичь, потому что офицер по-английски значит чиновник, а департамент или палата называется по-английски контора. Мы только перевели, не разобрав этих обстоятельств, и потому вышло у нас бог знает что.

Спора нет, и западные банки принимают иногда меры, чтобы оттолкнуть от себя прилив вкладов и заставить прежних вкладчиков брать вклады назад. Но в каком положении находятся западные банки, когда прибегают к таким мерам? Наличие больше всего количества билетов, выпущенных в обращение; если все вкладчики явятся ныне же в банк, ныне же получат все они все свои вклады назад чистыми деньгами, а в кассе банка останутся еще груды золота. Вот не угодно ли, например, взглянуть на последний баланс Английского банка (Bank of England) в среду 6 февраля:

1. Билетное отделение

Билетов находится в обращении	25 488 315 фунтов.
В кассе отделения находится: облигаций государственного долга и других фондов	15 475 000 »
Золотой и серебряной монеты	10 013 315 »

Итого в кассе . . . . . 25 483 315 фунтов.

Но это одно отделение, одна зала банка; а в другом отделе, в так называемом банкирском отделении, то есть в другом зале, находится еще почти на 35 миллионов фунтов денег и биржевых бумаг в кассе.

Вот теперь Английский банк и может, когда вздумается, крикнуть своим вкладчикам: подавайте мои билеты — я хочу их обменивать. Он может это сделать, потому что в том зале, куда придут вкладчики, приготовлено для них в кассе денег и фондов, равносильных деньгам, ровно рубль на рубль против всего количества находящихся у всех вкладчиков билетов, а в соседнем зале еще лежит почти по полтора рубля кассовой наличности на каждый рубль всех этих билетов.

Ну, а наше положение таково ли было? Ломбардных и других процентных билетов выпущено было нашими банками к тому времени, когда начинались банковые преобразования, на сумму более 1000 миллионов руб., а кассовая наличность — по речи г. министра финансов 13 сентября 1860 года — 150 миллионов, то есть ровно по одному рублю на 7 рублей билетов, призывавшихся к предъявлению.

Это было все равно, как если бы английское казначейство вдруг стало требовать, чтобы все владельцы облигаций государственного долга предъявили их ему для уплаты. Денег у английского казначейства очень много: стоит ему захотеть — и получит оно в год сто миллионов фунтов; ну, а что, если бы нагрянули к нему, да еще по его же приглашению, с требованием обмена на наличные деньги владельцы фондов государственного долга, простирающегося до 800 миллионов? Но английское казначейство этого никогда не делало, никогда не сделает, да это и не нужно никому, да это и невозможно ему, и каждый знает, что оно не в состоянии было бы уплатить всю эту сумму. И это знание никому не мешает иметь безусловное доверие к английскому казначейству и к фондам английского государственного долга, которые не могут быть выкуплены английским казначейством не только немедленно по предъявлении, но и в 10 лет и в 50 лет. Да ведь не в этом и дело, не то значение этих фондов, чтобы они выкупаемы были казначейством; владельцы купили их только затем, чтобы получать по ним доход, и никогда не будут иметь другой мысли.

Точно такое же значение имели у нас банковые билеты. Это были ни больше, ни меньше, как облигации государственного займа. Назывались они не так, но ведь в каждой земле, на каждом языке есть разница в терминологии от других земель. У нас мещанин — мещанин, а у французов мещанин — *bourgeois*, значит, по-нашему, капиталист, фабрикант, домовладелец; а что по-нашему мещанин, то по-французски называется пролетарий. Мало ли разницы бывает в словах! Потому-то наука и трудное дело, что одни слова заучить еще недостаточно для понимания дела. Разумеется, еще хуже не знать и самих слов, — а впрочем, оно может быть и не хуже: тут, по крайней мере, руководит здравый смысл и житейская опытность; а узнав слова без понимания дела, отбиваешься и от этих руководителей, не приобретая лучшего руководителя — истинно-научного взгляда.

Чтобы итти банкам нашим, в ожидании лучших обстоятельств, в ожидании благотворных результатов от реформ бюджета и гражданского быта, еще несколько лет по прежнему способу без обременения для казны, а, напротив, еще с некоторою прибылью для нее, без увеличения массы бумажных денег, а, напротив, еще с некоторым уменьшением ее, — на это довольно было у наших банков их наличности; но когда приняты были меры, призывавшие прежних вкладчиков к востребованию вкладов, останавливавшие прилив новых вкладов, то, разумеется, оказалось, что наличных и вообще всяких собственных средств уплаты у банков наших недостаточно. Хотели избежать затруднения, которого не было бы, и разом попали в самое тяжелое затруднение: чувствовали чрезмерность количества бумажных денег, бывшего в обращении, и принуждены были увеличить эту массу; тяготились огромностью сумм золота и серебра, посылавшихся за границу на уплату процентов по внешним займам, и сделали новые внешние займы, стали принуждены посылать золото за границу еще больше прежнего; тяготились прежними процентами по банковым вкладам, и стали платить по ним больше прежнего. Мы берем данные из речи г. министра финансов 13 сентября 1860 года.

Но прежде чем приведем их, сделаем здесь отступление, которое, может быть, выгоднее для нас было бы поместить в самом начале статьи. Будем говорить откровенно. Статья эта слишком мало походит на панегирик действиям министерства финансов по банковым преобразованиям. Проще сказать, мы с начала до конца все только о том и говорим, что преобразование было начато не с того, ведено не так, как следовало бы; что результатом этих реформ было только приведение дел в положение тяжелее и хуже прежнего. У нас слишком обыкновенен прием в каждом неодобрении видеть злонамеренность, видеть желание, компрометировать правительство, повредить ему. Вообще от подобных подозрений автор статьи не намерен защищаться, потому что это было бы бесполезно: как и чем вы можете убедить человека, что вам вовсе нет радости враждовать против него или вредить ему, если этот человек считает вас сатаною? Но, в частности, по делу, о котором идет речь, защищаться можно, потому что дело это такого особенного рода. Государственный кредит — такая вещь, относительно которой не может существовать разницы в желаниях людей, какого бы образа мыслей ни были они обо всех других делах. Будьте вы коммунист или ультрамонтанец, революционер или реакционер, будьте вы хоть мормон или скопец, все-таки вы никак не можете не желать упрочения и возвышения государственного кредита. Государственный кредит это такое же дело, как урожай, как хорошая погода: никакие, ни политические, ни общественные, разницы мнений не касаются этого дела. Тут у всех одна потребность, одно желание.

А дела, в успешном ходе которых заинтересован каждый, — и как частный человек, какого бы звания ни был, и как гражданин, какого бы образа мыслей ни был, — такие дела никогда не могут быть ни в безнадежном положении, ни даже в положении, которого нельзя было бы очень легко исправить, лишь бы только узнать, что нужно сделать для их исправления. Между прочим именно поэтому и предполагается нами возможность говорить о государственном кредите с полною откровенностью. Тут никто не может заподозрить, что мы руководились чем-нибудь, кроме желания пользы самому делу.

Но возвратимся к делу. Мы хотели из речи г. министра финансов 13 сентября 1860 года извлечь данные о том, каковы были результаты мер, предпринятых для отвращения мнимой опасности и мнимой обременительности прежнего положения наших банков. Вот подлинные слова: «наличность банков, составлявшая в июле 1857 года» (то есть перед началом банковых реформ) «свыше 150 миллионов рублей, понизилась в июне 1859 года до 20 миллионов рублей»; а предстояла перспектива дальнейших востребований в очень большом размере. В речи г. министра финансов это положение называется затруднительным. Слова эти относятся, как мы видим, к июню месяцу 1859 года; но, несмотря на то, была принята мера, долженствовавшая еще усилить востребование вкладов и действительно усилившая его, как мы видели, с лишком вдвое: «1 сентября 1859 года понижен банковый процент с 3 на 2», хотя сам г. министр финансов говорит перед тем: «дабы выйти из такого затруднительного положения», надлежало «оградить банки от излишнего востребования вкладов». Востребование вкладов усилилось, а вскоре за этим усилившим его вторичным понижением процента, именно через четыре месяца, «26 декабря того же года прием вкладов в заемном банке, сохранных кассах и приказах общественного призрения вовсе прекращен», как будто бы кассы банков изнемогали от излишка наличности. Это было бы странно при изложенном нами взгляде на громадное большинство вкладчиков и вкладов, как на рентьеров и ренту; но руководились другими соображениями, которых касались мы выше, и потому считали необходимым итти этим путем, требовавшим значительных пожертвований. Мы уже видели, что банковая наличность, составлявшая в июле 1857 года более 150 миллионов рублей, стала очень сильно уменьшаться; наконец, она оказалась недостаточною для уплат, и надобно было употребить на них другие средства. Вот слова г. министра финансов из речи его 13 сентября 1860 года:

Обозначенные преобразования не могли совершиться без жертвований со стороны казны. Кассы банков к 1 января 1859 года составляли: наличными деньгами 25 440 000 р., а государственными фондами, по нарицательной цене, 43 405 127 р.; с того же времени, как объяснено выше, истребовано из банков 436 540 628 р., более против взносов на 197 412 761 р.

На покрытие этого излишка истребований были обращены сперва процентные бумаги, принадлежащие заемному и коммерческому банкам: из них

государственное казначейство приняло на себя 28 000 000 р. взамен отпущенных сумм на удовлетворение банковых вкладчиков, и сверх того выручено продажей означенных процентных бумаг в частные руки 2 912 200 р.; остальные же фонды, составляющие собственность опекунских советов и приказов общественного призрения, оставлены в их распоряжении. Затем большая часть сумм, поступивших по внешнему 3% займу, а равно и все свободные суммы государственного казначейства, употреблены также на возврат капиталов из банков. Этих ресурсов, однакож, было недостаточно для безостановочного возврата вкладов, между тем количество платежей, причитавшихся от заемщиков, даже при исправном поступлении оных, не могло доставить способов к совершенному обеспечению возврата вкладов при усиленном востребовании оных. По предвиденной недостаточности всех этих средств для удовлетворения вкладчиков, высочайше разрешен был, на подкрепление банковых касс, выпуск до 100 000 000 р. кредитных билетов. Такой выпуск кредитных билетов, ограниченный размером востребования вкладов, был неизбежным переходным средством к исполнению обязательств, принятых на себя банками; в дальнейшем же употреблении этого ресурса не настает более надобности, так как уставом государственного банка (§ 16) постановлено, для облегчения исполнения возложенных на сей банк обязанностей относительно уплаты вкладов по востребованиям, выдавать срочные билеты комиссии погашения долгов или билеты государственного казначейства. На сем основании передано уже в распоряжение банка 15 000 000 руб. билетами государственного казначейства, о выпуске коих состоялся высочайший указ 8 июня текущего года.

Мы не знаем, какую часть 150 милл., находившихся в банковской наличности, составляли кредитные билеты и какую — процентные бумаги; впрочем, разница эта и неважна для результата, потому что процентные бумаги были также или все, или почти все обменены (или проданы) за кредитные билеты, которые также пошли на уплату по востребованию взносов*. Таким образом на удовлетворение востребования вкладов было выпущено, во всяком случае, более 125 миллионов руб. кредитных билетов, которые иначе оставались бы изъятыми из обращения, сохраняясь в банковых кассах**. Сверх того, как мы видели, выпущено было

* По отчету о состоянии счетов государственного банка мы видим, что всех процентных бумаг в кассе его находилось 9 474 516 р. (под рубрикою «фонды» значится 8 549 424 р. и под рубрикою «принадлежащие банку» процентные бумаги 929 092 р.). Мы не знаем, вновь ли приобретены самим государственным банком эти фонды или переданы ему из касс прежних банков.

** Цифру эту мы полагаем более 125 милл. рублей на следующем основании. Кассовая наличность составляла в июле 1857 года свыше 150 милл., а к 1 января 1859 года — 68 845 427 р., в том числе 25 440 000 наличными деньгами, а государственными фондами, по нарицательной цене, 45 405 427 р., из этих фондов 23 милл. рублей нарицательного капитала, состоявшие из билетов 6% займа 1818 года, были проданы потом банками государственному казначейству; после того в июне 1859 года банковая наличность понижалась до 20 милл. рублей. Итак, вышло из банковых касс до 1 января 1859 года более 82 милл. рублей (разница между наличностью кассы в июле 1857 и 1 января 1859 г.); потом более 25 милл. р. кредитными билетами, оставшихся в кассах к 1 января 1859 года, и кредитные билеты, данные государственным казначейством в обмен 23 милл. р. билетов 6% займа 1818 года. Мы не знаем, по номинальной ли цене были обменены эти билеты государственному казначейству, или по биржевому курсу, кото-

еще 100 милл. руб. кредитных билетов и 15 милл. рублей серий (билетов государственного казначейства), по своему значению обращающихся с такою же легкостью, как кредитные билеты. Сверх всего этого все свободные суммы государственного казначейства употреблены были на удовлетворение того же востребования. Количество этих сумм мы не можем определить. Слагая остальные суммы, мы получаем, что банковые реформы потребовали выпустить в обращение, кроме 15 милл. руб. сериями, более 225 милл. руб. кредитными билетами, которые без того или не получили бы существования, или оставались бы изъятыми из обращения.

Дело не ограничилось этим. В предыдущей выписке из речи г. министра финансов сказано было, что «большая часть сумм, поступивших по внешнему 3% займу, употреблена была также на возврат капиталов из банков. По займу этому, заключенному в марте 1859 года, получено было 7 милл. фунтов, то есть 43 500 000 руб. сер. Вот как рассказана история этих денег в речи г. министра финансов:

Первоначальное назначение этого займа, а именно: усиление разменного фонда экспедиции кредитных билетов с целью изъятия сих из обращения на соразмерную сумму, не могло, однакож, осуществиться. Вследствие чрезвычайно усилившегося привоза разных машин, пароходов, рельсов и других принадлежностей железных дорог, при ограниченном требовании наших произведений на иностранных рынках, а также по случаю перевода из России больших сумм отъезжающими за границу, вексельный курс наш стал упадать, и посему оказалось необходимым покрывать торговый баланс отпуском из России золота. В сих обстоятельствах правительство было вынуждено, к предупреждению дальнейшего упадка вексельного курса, производить платежи за границей из сумм, поступивших посредством последнего займа, дабы избежать таким образом покупки переводных векселей на здешней бирже. Сверх того часть сумм, находившихся за границей по этому займу, переведена сюда через продажу на здешней бирже, на счет правительства, векселей, выданных здесь на иностранные города, а вырученные за эти векселя деньги обращались, как выше сказано, на удовлетворение банковых вкладчиков.

Таким образом банковые реформы не допустили осуществиться предположению, состоявшему в том, чтобы, увеличив разменный фонд экспедиции кредитных билетов, возобновить обмен этих билетов на звонкую монету. Без банковых реформ дело это не представляло бы затруднений. К 1 января 1857 года количество разменного фонда экспедиции кредитных билетов составляло звонкую монетою и в слитках 122 838 117 рублей. Без банковых реформ этому фонду не было бы надобности уменьшаться. По

рый, конечно, был бы гораздо выше номинальной цены. Но, полагая обмен и по номинальной цене, мы получаем из сложения этих трех сумм (82 милл., 25 милл. и 23 милл.) 130 миллионов кредитными билетами. В этот счет кредитных билетов, вышедших из банковых касс в обращение, мы не кладем сумм, вырученных через продажу фондов в частные руки, потому что полученные через это кредитные билеты уже и без того находились в обращении.

счета государственного банка к 1 января 1856 года кредитных билетов, выпущенных в обращение, находилось 714 580 226 рублей. Из них или были бы изъяты из обращения, или вовсе не получили бы существования без банковых реформ, как мы видели, по крайней мере, 225 милл. рублей; таким образом без банковых реформ оставалось бы теперь в обращении не более, а по всей вероятности, менее, чем на 490 милл. руб. кредитных билетов. Разменный фонд, сохранившись доньше в величине 1 января 1857 года, представлял бы на каждые 100 рублей кредитных билетов, находящихся в обращении, по 25 рублей звонкою монетою; при такой пропорции мог бы возобновиться обмен кредитных билетов на звонкую монету. А если прибавить к тогдашнему разменному фонду $43\frac{1}{2}$ милл. руб., доставленных вчешним займом, предназначавшимся к тому, то разменный фонд составлял бы более 166 милл. р. сер. звонкою монетою, то есть имел бы на 100 рублей кредитных билетов почти по 34 р. звонкою монетою, — при такой пропорции возобновление размена кредитных билетов на звонкую монету не представляло бы уже никаких сомнений. Но через банковые реформы с возникшими из них затруднениями банковых касс произошла в разменном фонде такая перемена, что к 1 января 1861 года все количество звонкой монеты и слитков в кассе государственного банка простиралось только до 84 335 007 руб. *; а кредитных билетов, выпущенных в обращение, находилось тогда, как мы уже видели, с лишком на 714 милл. рублей, то есть на 100 руб. кредитных билетов, выпущенных в обращение, приходилось менее 12 руб. в разменном фонде. При такой пропорции возобновление размена, конечно, представляется делом затруднительным. Банковые реформы помешали этому делу: они отвлекли от разменного фонда $43\frac{1}{2}$ милл. руб. золота, доставленных займом и уменьшили на $38\frac{1}{2}$ милл. руб. количество звонкой монеты и слитков, находившихся в разменном фонде до начала этих реформ. Поэтому г. министр финансов в речи своей 13 сентября 1860 года справедливо говорит:

Пожертвования, которые государственное казначейство должно было принять на себя для возврата вкладчикам по востребованию капиталов их, затраченных в долгосрочные ссуды, не дозволяли принять поныне надлежащих мер к открытию свободного размена кредитных билетов на звонкую монету.

Мы сказали, что вся сумма займа была отвлечена от разменного фонда собственно банковю реформою, — действительно вся, хотя не всей ей, а лишь бóльшей половине ее дано было прямое обращение на уплату востребований. Мы видели, что прямое назначение остальной, меньшей части займа было другое: она употреблялась на поддержание вексельного курса. Его падение

---

* Эту цифру мы получаем, вычитая из итога 92 884 431 р. входящее в этот итог количество фондов 8 549 424 р.

приписывают некоторым обстоятельствам, вроде усилившегося привоза заграничных продуктов и увеличившегося числа русских путешественников, расходующих русские деньги за границу. Но если привозились к нам из-за границы рельсы, пароходы и т. д., то не надобно забывать, что те же самые предприятия, для которых требовались эти вещи, имели значительную часть своих акционеров или хозяев между заграничными капиталистами и что этими, шедшими на наши дела, заграничными капиталами, конечно, с излишком покрывалась ценность присылаемых к нам рельсов и т. д., так что по этим делам перевес в движении капиталов был к нам из-за границы, а не от нас за границу. Что же касается до русских путешественников, число их действительно чрезвычайно увеличилось в последние годы, но всю эту громадную прибавку в цифре путешествующих лиц составили люди очень небогатые, не мотающие денег ни за границей, ни дома; число их велико, но переводимая на них за границу сумма капитала невелика. А число проживающих за границей богатых людей, переводящих за границу много денег, не увеличилось в последние годы, потому что и в прежние годы было так же велико: им и прежде никогда не бывало остановки ехать за границу. Да и какая разница для вексельного курса от того, в России ли, за границу ли живут русские, мотающие много денег? Ведь, живучи в Петербурге, в Москве или в провинции, все равно тратят они деньги на заграничные продукты: на иностранные вина, на иностранные шелковые материи и наряды и т. д., — ведь не на сало же и не на пеньку же расходуют они свои деньги, когда живут дома. Значит, все равно: когда они живут за границей, деньги высылаются банкирами в векселях прямо на их имя, а когда живут дома, ровно столько же денег по их надобностям высылают за границу английской и другие магазины в уплату за выписанные товары для этих лиц. Вексельному курсу в одном случае не легче и не тяжелее, чем в другом. Это мы говорим про богатых людей, тратящих много денег и за границей, как дома. Но вследствие поездок небогатых людей за границу вексельный курс даже выигрывает. Денег они переводят за границу мало, зато возвращаются из-за границы почти все они гораздо рассудительнее, чем были до поездки: они присматриваются к заграничной жизни, видят, что мотовство считается там пошлостью и глупостью, что расчетливость там в моде у всех порядочных людей, и сами возвращаются домой, научившись быть бережливее прежнего. А бережливость прямо действует на повышение вексельного курса.

Причины падения вексельного курса в последние годы совершенно иные, не имеющие ничего общего с привозом рельсов и т. д. из-за границы и с поездками русских за границу. Вексельный курс упал: это значит, что за известную сумму наших денег нельзя стало получать в Лондоне или Париже столько гиней или лундоров, как прежде, а получается меньше прежнего, то есть это

значит, что наши деньги подешевели сравнительно с французским или английским золотом, то есть вообще с золотом, потому что золото — все то же золото. А вещь дешевеет, когда количество ее становится слишком велико. Значит, подешевели наши деньги, то есть кредитные билеты, значит и вексельный курс упал от того, что кредитных билетов стало у нас в обращении слишком много.

Мы не говорим о причинах размножения кредитных билетов в годы, предшествовавшие банковым реформам, потому что это не касается частного вопроса, разбираемого в нынешней главе, посвященной собственно только банковым реформам. Но каковы бы ни были эти прежние причины, по естественному ходу наших взносов в банковые учреждения, количество находящихся в обращении кредитных билетов стало бы быстро уменьшаться, приливая в кассах банков, и скоро уменьшилось бы до нормального размера, если бы не помешали тому банковые реформы (разумеется, мы предполагаем при этом прекращение прежних причин, размножавших эти билеты). К 1 января 1857 года кредитных билетов было 689 279 844 рубля. Предполагая, что действие прежних причин их размножения¹⁰ прекратилось, мы имели бы в следующее время приблизительно такой ход дела. В июле месяце банковая наличность простиралась, как мы уже много раз говорили, свыше 150 милл. рублей. Конечно, большая половина этой суммы состояла из кредитных билетов; на остальную часть, состоявшую из фондов, можно было купить на бирже кредитные билеты. По расчету перевеса вкладов над востребованиями (около 40 милл. ежегодно), в остальные 5 месяцев 1857 года прибавилось бы в банковую наличность более 15 милл. рублей. Итого, за вычетом 15 милл. рублей (если не больше), оставалось бы к 1 января 1858 года в обращении только на 525 милл. р. (или меньше) кредитных билетов. В мае 1857 года сожжено было кредитных билетов на 60 милл. р. сер. Другие 40 милл. влились бы в банковые кассы по обычному ходу перевеса вкладов над востребованиями. За вычетом этих 100 милл., вышедших из обращения в 1858 году, оставалось бы к 1859 году в обращении только на 425 милл. р. кредитными билетами. В следующие два года (по 40 милл. ежегодно) еще легли бы в банковых кассах до 80 милл. р., и к 1 января нынешнего года оставалось бы кредитных билетов в обращении всего миллионов на 350*, если не

---

* Выше мы видели, что если считать одну ту сумму, которую нуждаются были банковыми преобразованиями банковые кассы выпустить в обращение, то она оказывается не меньше, а, конечно, больше 235 милл. р. сер., и за вычетом ее одной оставалось бы кредитных билетов в обращении не больше, а, конечно, меньше 490 милл. Но кроме того, что вышла из банковых касс эта сумма 225 милл., значительное количество вкладов было удержано от поступления в кассы из обращения; теперь, находя, что без банковых реформ оставалось бы в обращении не более 350 милл. р. сер., мы находим эту цифру потому, что принимаем в расчет обе стороны движения, произведенного банковыми преобразованиями.

меньше. Вексельный курс, вместе со всеми торговыми и промышленными отношениями, при таком ходе дел поправлялся бы сам собою и теперь уже давно был бы очень хорош.

Мы теперь говорим о пользе, какую принесло бы народному хозяйству и всем торговым отношениям поглощение все большего и большего количества кредитных билетов банковыми кассами, все большее и большее накопление наличности, которая лежала бы в этих банках без употребления. А прежде мы говорили, что банки могли извлекать выгоду себе через обращение этих накопляющихся в них кредитных билетов на покупку фондов. Тут нет противоречия, потому что прежде мы только разбирали напрасные предположения, будто бы накопление наличности было обременительно для банков, и показывали способ, по которому ближе всего было бы действовать лицам, державшимся такого предположения, по нашему мнению, ошибочного. Теперь же мы излагаем свой взгляд, несогласный с этим предположением. По нашему взгляду, понимать дело следует иначе, чем понимали лица, считавшие возрастание банковской наличности делом невыгодным, стало быть, и действовать следовало бы иначе.

Мы знаем теперь, что внесение вкладов в наши банки служило просто покупкою фондов государственного долга: получая ломбардный билет, вкладчик получал (и желал получить, хотя не умел выразить своей мысли техническим языком) облигацию внутреннего государственного займа, приносившего 4%, — иначе сказать, вкладчик был просто подписчиком 4% государственного займа.

Но прежде чем стали постепенно разбираться облигации этого 4-процентного займа (ломбардные билеты), произведен был государственный беспроцентный заем выпуском кредитных билетов. На какую сумму был он произведен и когда он был произведен, определить это легко:

К 1 января 1853 года кредитных билетов находилось в народном обращении на	311 375 581 р.
А к 1 января 1857 года на	689 279 844 »
Итого, следовательно, в течение четырех лет, 1853—1856, выпущено было (главным образом по случаю Крымской войны) кредитных билетов, иначе сказать, произведен был беспроцентный заем на	377 984 263 р.

После того (еще без всякого отношения к банковым преобразованиям) выпущено было кредитных билетов еще на сумму около 25 милл. рублей, как видно из приведенной нами цифры кредитных билетов, бывших в обращении к 1 января 1858 года. Таким образом всю сумму беспроцентного внутреннего займа, произведенного во время, предшествовавшее банковым реформам, надобно полагать около 400 миллионов рублей серебром.

И вот облигации этого беспроцентного займа (кредитные билеты) постепенно обменивались публикою на облигации 4% займа (ломбардные билеты), — вот в чем состояло, по переводу на технический язык, явление, называвшееся на популярном языке чрезвычайным приливом вкладов в банки.

Выгоден ли был такой обмен для торговых, промышленных и вообще всяких экономических дел империи? — Без всякого сомнения, потому что, существуя в виде кредитных билетов, облигации государственного займа смешивались с деньгами и громадною своего количества расстроивали нашу денежную систему, а превращаясь в ломбардные билеты, облигации займа переставали иметь это тяжелое влияние на денежную систему. Если брать интересы казны в отдельности от интересов империи (чего не следует делать), то выгоден ли был такой способ обмена и для казны в отдельности от империи? Конечно, выгоден, потому что по внутреннему займу, происходившему посредством ломбардных билетов, платилось только ровно 4% (процент по тогдашним вкладам), а по всяким другим займам платился процент более тяжелый*.

Точно так же и внутренние займы стали выше этого: 4% непрерывно доходные билеты не удались (только казенные места взяли их); должно было сделать 5%, то есть 1% лишний; теперь государственный банк выдает 4½% билеты (и 4%) — тут срок возврата 3—10 лет: для достижения номинальной срочности пожертвовали многим.

Поэтому в речи 13 сентября 1860 года говорится:

Таким образом в течение одного года бессрочный долг государственных кредитных установлений, грозивший им постоянным востребованием и стеснявший само правительство в разрешении всяких промышленных предприятий, уменьшился с 967 107 000 р. на 638 555 023 р. следующим образом:

Возвращено вкладчикам	197 412 761 р.
Обращено в 5% билеты	272 620 800 »
» » 4% »	54 752 453 »
Положено обратить еще в 4% же билеты	92 876 107 »
Из казенных капиталов, обращающихся в банках, сдано в государственное казначейство .	20 892 902 »

638 555 023 р.

Столь значительное уменьшение банкового долга достигнуто: 1) увеличением ежегодных платежей против банкового процента, существовавшего с 1830 по 1857 год по 4 на 100, еще одним процентом на весь капитал, обращенный в 5% банковые билеты, причем расход казны возрастает

* Например, если вычесть уступку за комиссию и выгоду кредиторам от уплаты полного процента по облигациям до полной их оплаты, то заключенный в мае 1859 года 3% заем едва ли давал чистых 65% нарицательной цены; но даже и по этому курсу процент на полученные 100 р. составлял 4 р. 62 к.; сверх того, за полученные 65 р. давалась облигация в 100 р., то есть за полученные 100 р. давалось обязательство в 153 р. 85 к., то есть в капитал долга к полученной сумме еще приписывалось более половины этой суммы.

на 2 700 000 р. в год; 2) увеличением суммы внешних займов на 7 миллионов фунтов стерлингов, по коим следует уплатить процентов ежегодно 210 000 фунтов стерлингов, или 1 362 000 руб.; 3) увеличением беспроцентного долга экспедиции кредитных билетов на сумму, выпущенную этими билетами для удовлетворения банковских вкладчиков.

Но это еще не все. Вот слова из речи 13 сентября:

Между тем, принимая во вниманиис, с одной стороны, что упомянутые выше обстоятельства, по коим торговый баланс обратился не в пользу России, могут и на будущее время поставить правительство в необходимость воспособлять своими средствами производству заграничных платежей, и, с другой стороны, имея в виду, что разменный фонд экспедиции кредитных билетов может потребовать еще немаловажного подкрепления для открытия свободного размена сих билетов на звонкую монету, правительство признало нужным заключить в текущем году с банкирскими домами Беринг и Гоппе новый заем в 8 милл. фунтов стерлингов взамен удержанной им у себя части как облигаций 3% займа на 5 милл. фунтов стерлингов, так и 23 милл. нарицательного капитала 6% билетами займа 1818 года, каковые составляли запасный капитал заемных и коммерческих банков, но приобретенный государственным казначейством на суммы, отпущенные им в банки для возврата вкладов по востребованию.

Таким образом сумма пожертвований: 225 милл. или больше кредитными билетами, 15 милл. сериями, $7 + 8 = 15$ милл. внешнего займа.

Вот и все, да невозможность размена на звонкую монету, о которой в речи 13 сентября говорится:

Пожертвования, которые государственное казначейство должно было принять на себя для возврата вкладчикам по востребованию капиталов их, затраченных в долгосрочные ссуды, не позволяли принять поныне надлежащих мер к открытию свободного размена кредитных билетов на звонкую монету.

Меры эти, возведенные высочайшим указом 10 января 1855 года, должны заключаться или в уменьшении числа кредитных билетов, или в усилении разменного фонда. То и другое исполнимо лишь по средствам, и т. д.

Вот и вся история.

Но действительно дурные стороны прежних кредитных учреждений были:

1) Давались ссуды часто только на мотовство помещиков; это должно было само собою исправиться через принятие более строгих мер взыскания и через освобождение крестьян, от какового а) ссуды пошли бы крестьянам, б) сами помещики из мотовсибаритов сделались бы дельными хозяевами.

2) Полная зависимость от казначейства, или лучше сказать, двора, так что, собственно, они служили только машиной для чеканки ассигнаций; это не исправлено учреждением Государственного банка, но все-таки в нем хорошо хоть то, что обнародует свои отчеты—тут не так нагло могут выпускаться билеты. Все-таки будет ли верность в отчетах? Не будут ли, как австрийский банк тогда утаивать 111 миллионов флоринов по национальному займу?